

18+

СЛАДКОЕ ЗЛО

ВЕНДИ ХИГГИНС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *THE NEW YORK TIMES*
И *USA TODAY*

Сладкая трилогия

Венди Хиггинс

Сладкое зло

«АСТ»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хиггинс В.

Сладкое зло / В. Хиггинс — «АСТ», 2012 — (Сладкая трилогия)

ISBN 978-5-17-983291-1

Жизнь молодых людей полна соблазнов — такова реальность. Для сыновей и дочерей падших ангелов все еще сложнее, ведь они имеют дело с людскими пороками. Но шестнадцатилетняя Анна Уитт, девушка с душой нежной и горячей, как солнце в ее родной Атланте, всегда выбирает светлую сторону. Обладая сверхъестественной способностью чувствовать эмоции других людей, она умеет противиться силам зла. Однако сможет ли Анна устоять перед искушением после встречи с Каиданом, покорившим ее сердце?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-983291-1

© Хиггинс В., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Сладкое зло	6
Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	23
Глава четвертая	27
Глава пятая	36
Глава шестая	41
Глава седьмая	44
Глава восьмая	49
Глава девятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Венди Хиггинс

Сладкое зло

Copyright © 2012 by Wendy Higgins

© М. Суханова, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers, и литературного агентства Synopsis

Сладкое зло

Моей матери, Нэнси Перри, которая всегда говорила мне, что я когда-нибудь стану писательницей.

Пролог

*Монастырь Пресвятой Богородицы, Лос-Анджелес
Почти шестнадцать лет назад...*

Пока акушерка заворачивала новорожденную в одеяльце и передавала крохотный сверток сестре Рут, девочка не переставала кричать. Старейшая монахиня монастыря ссутулилась с годами, но каждое ее движение дышало царственностью. Она тут же повернула малышку к своему плечу, ограждая ее от печального зрелища умирающей матери, и принялась успокаивать.

Из угла стерильной палаты за всем этим наблюдал наголо бритый крупный мужчина с бородкой клинышком, и его лицо становилось все мрачнее.

Акушерка не оставляла попыток вернуть роженицу к жизни. Пот струился по вискам повитухи, она из последних сил делала женщине искусственное дыхание, качая головой и испуганно бормоча:

– Где же доктор? Пора ему уже быть здесь!

Акушерка не видела, а мужчина в углу успел заметить, как из груди пациентки выпорхнуло и зависло в воздухе над кроватью мягко мерцающее облачко.

Затем глаза мужчины распахнулись шире – над безжизненным телом повисло второе, более плотное облачко и приобрело очертания крылатого существа ослепительной чистоты. Сестра Рут на мгновение задохнулась от восторга, а затем быстро перехватила малышку, приподняла ее и повернула личиком вверх.

Призрак устремился вниз к девочке, нежно, как легкий ветерок, поцеловал ее, а потом направился в угол к мужчине. Тот коротко всхлипнул, протянул вперед руки, и, не совладав с собой, уронил слезу.

А призрак, чуть помедлив, подхватил на руки второе – меньшее – призрачное облачко и уплыл, как бы подчиняясь дуновению ветра.

– П-простите меня. Я... я не понимаю, что случилось. – Голос акушерки дрожал, руки тряслись. Она накрыла простыней тело умершей женщины, затем перекрестилась и закрыла ей глаза.

– Вы сделали все, что могли, – мягко сказала сестра Рут. – Но пришел ее час.

Мужчина молча отвел взгляд от постели роженицы и тяжело посмотрел на младенца. Сестра Рут, поколебавшись, повернула девочку личиком к нему. Та захныкала, широко раскрыла глаза, и на какой-то миг черты мужчины смягчились.

Но тут их прервали. Дверь рывком распахнулась, акушерка вскрикнула, и в небольшое помещение, заполнив его целиком, вломился наряд полиции. Сестра Рут прижалась к стене, крепко обхватив руками малышку и шепча молитву, а мужчина, которого окружили копы, казалось, вовсе не был обеспокоен или расстроен.

– Джонатан Лагрé, – спросил полицейский офицер, стоявший впереди, – известный также под именем Джон Грей?

– Это я, – хриплым резким голосом ответил мужчина, и на его хмуром лице появилась зловеще-презрительная улыбка.

Он без сопротивления позволил надеть на себя наручники, спокойно выслушал свои права и текст обвинения:

– Вы арестованы за перевозку запрещенных препаратов через границы штатов и границы между странами...

Когда полицейские покончили с перечнем преступлений Джонатана Лагре и приготовились его уводить, он снова оглянулся на новорожденную девочку, натянуто улыбнулся ей и с иронией в голосе произнес:

– Просто скажи «нет» наркотикам, детка. Справишься?

Как только он исчез за дверью, вопли младенца возобновились.

Глава первая

Ложь и похоть

Удовольствие – приманка греха
Платон

Стоя в очереди на концерт, я то и дело одергивала джинсовую юбку и изо всех сил старалась не теребить бретельки нового топа – мне было неловко с голыми руками и плечами. Наряд подарила мне к наступающему шестнадцатилетию старшая сестра Джей, а билеты купил сам Джей, которому хотелось посмотреть выступление нескольких местных групп, включая его последнее увлечение – «Греховодников». Название, которое выбрали себе музыканты, говорило против них, и все же я улыбалась – ради Джей.

Он был моим лучшим другом. И единственным.

В школе считали, что между нами что-то есть, но ошибались. В *этом* смысле он мне не нравился. Я ему тоже – мне были совершенно точно известны его чувства, я могла их буквально видеть, а если позволяла себе, то и испытывать. Как сейчас.

Джей был в своей стихии. Он барабанил себя пальцами по бедрам, весь лучился радостным волнением, и я купалась в желто-оранжевом сиянии, окружавшем его фигуру. Он провел рукой по своим густым коротко стриженным волосам, потом коснулся квадрата щетины под нижней губой. Для парня Джей был полноват и маловат ростом, но все равно намного выше меня.

Из кармана Джей громко зазвучала песня в сопровождении ударных. Он глупо улыбнулся мне и начал в такт ритму раскачивать взад-вперед головой. Ох, нет – только не этот безумный танец всем телом. Я умоляюще посмотрела на него:

– Перестань, пожалуйста.

Но Джей уже разошелся под телефонную музыку – плечи ходили ходуном, бедра двигались из стороны в сторону. Очередь вокруг нас раздалась, люди вначале смотрели на Джей с удивлением, потом стали смеяться и подзадоривать его. Я прижала пальцы к губам, пряча смущенную улыбку. На последнем такте мелодии Джей слегка поклонился, выпрямился и ответил на звонок.

– Привет! – сказал он. – Что у тебя слышно? Мы все еще в очереди, а ты где?

А, это, должно быть, Грегори.

– Ты захватил наши диски? Вот как? Отлично, увидимся внутри.

Он засунул телефон обратно в карман.

Я потеряла голые плечи. Весенний день в Атланте выдался теплым, но как только солнце скрылось за высокими домами, температура воздуха упала. Мы жили не в самой Атланте, а в Картерсвилле – городке в часе езды к северу, – и мне было непривычно находиться в большом городе, особенно ночью. Над нами зажглись городские огни, толпа с наступлением сумерек стала шуметь громче.

– Не смотри туда прямо сейчас, – прошептал Джей, нагнувшись к моему уху, – но тип, который стоит на три, явно тобой интересуется.

Я тут же посмотрела, и Джей недовольно крикнул. Забавно: тот парень действительно на меня глядел – вот только глаза у него были налиты кровью. Он кивнул мне. Я, с трудом подавив глупый девчоночий смешок, развернулась спиной и принялась сосредоточенно играть прядью своих русых волос.

– Ты бы поговорила с ним, – сказал Джей.

– Ни за что.

– А почему?

– Он... под кайфом, – я перешла на шепот.

– Откуда ты знаешь?

Я знала. Когда тело человека находится под воздействием определенных веществ, цвета эмоций тускнеют и размываются. У этого типа они были, мягко говоря, неотчетливыми.

Дар видеть эмоции как цветную ауру – часть моей врожденной способности чувствовать настроение окружающих. Спектр цветов, как и спектр эмоций, устроен довольно сложно, у каждого оттенка собственное значение. Упрощенно, положительные эмоции всегда цветные, от ярких до пастельных, а отрицательные – по большей части оттенки черного, хотя есть несколько исключений. Зависть зеленая, спесь фиолетовая, похоть – она очень часто встречается – красная.

Меня завораживали эти цвета и их смена, то медленная, то стремительная. Я старалась не считывать постоянно эмоции людей и ни на кого не смотреть подолгу, чтобы ненароком не вторгнуться в чужой внутренний мир. Ни один человек – ни Джей, ни даже Патти, моя приемная мать, – не знал об этом моем даре.

Мы медленно продвигались к дверям клуба. Я в очередной раз одернула юбку и, взглянув вниз, убедилась, что ее длина находится в рамках приличий. Прекрасно, Анна. По крайней мере, твои ноги уже не выглядят как пара зубочисток, на них образовались кое-какие мышцы. Пока я росла, меня все время называли «худышкой» и «спичкой», но я никогда особенно не заикливалась на собственной фигуре – или ее отсутствии. Бюстгальтеры с вкладками – отличное изобретение, а два небольших углубления по бокам вполне сходили за талию. Но пять недель назад я прочла, что тело – «храм моей души», и начала заниматься бегом.

Здоровый храм, так и запишем.

Еще через несколько шагов Джей потер ладони и сказал:

– Знаешь, когда попадем внутрь, я бы мог взять нам чего-нибудь выпить.

– Никакой выпивки, – тут же откликнулась я, и мое сердце забилося чаще.

– Отлично, понял. Никакого алкоголя, никаких наркотиков, никакого ничего. – Джей похлопал ресницами, передразнивая меня, и легонько ткнул меня локтем в бок, показывая, что пошутил. Он, разумеется, не мог предложить такого всерьез, но знал о моем отвращении к *веществам*. Даже сейчас его замечание насчет наркотиков и алкоголя вызвало у меня неприятное, почти физическое ощущение, как будто меня куда-то толкают и волокут, поспешно и жадно. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Наконец, очередь дошла до нас. Молодой билетер надел мне на руку браслет для несовершеннолетних, смерил оценивающим взглядом мои волосы до пояса, приподнял бархатный заградительный канат, и сначала проскочила внутрь я, а за мной по пятам – Джей.

– Серьезно, Анна, – засмеялся он у меня за спиной, – не позволяй мне сегодня стоять на пути у всех этих ребят.

Джею приходилось говорить громче – мы вошли в зал, а там уже было полно народу, и гремела музыка. Мне конечно, следовало собрать волосы, – я отлично это знала, но Яна, сестра Джея, уговорила меня их распустить. Я перекинула волосы через плечо и принялась скручивать их пальцем в жгут, глядя на густую толпу и помаргивая от шума и ярких вспышек эмоций.

– Им только кажется, что я им нравлюсь, потому что они меня не знают, – ответила я Джею.

Он покачал головой:

– Терпеть не могу, когда ты говоришь такие вещи.

– Такие – это какие? Что я *особенно особенная*?

Я пыталась пошутить – мы, южане, пользуемся этим выражением, когда хотим беззлобно намекнуть, что кто-то «не прав». Но из груди Джея, к моему удивлению, вырвался серый всполох – гнев. Потом серый цвет рассеялся.

– Не говори так о себе. Ты просто... застенчивая.

На самом деле я была очень странной, и мы оба об этом знали. Но мне не хотелось расстраивать Джея, и потом, не смешно ли вести серьезный разговор, вопя во всю мощь своих легких?

Джей вытащил из кармана вибрирующий телефон, взглянул на экран и с улыбкой передал аппарат мне. Патти.

– Алло! – Я заткнула другое ухо пальцем, иначе ничего не было слышно.

– Просто проверяю, что с тобой все в порядке, милая. До чего же у вас там шумно!

– Да, очень! – прокричала я в трубку. – Все отлично! Буду дома к одиннадцати!

Я впервые попала на такое мероприятие. Впервые в жизни. Джей самолично уговаривал Патти отпустить меня, и каким-то чудом она разрешила мне пойти. Но ей было не по себе, весь день она нервничала, как кошка у ветеринара.

– Будь все время рядом с Джем, а если кто-нибудь незнакомый с тобой заговорит...

– Знаю, Патти. Не волнуйся, хорошо? Никто со мной не заговаривает. – Нелегко было успокаивать ее, перекивая шум, когда меня еще и толкали со всех сторон.

Тут диджей объявил, что на сцену впятером выходят «Греховодники».

– Мне надо идти, – прокричала я в телефон. – Вот-вот начнется выступление. Со мной все будет в порядке, обещаю!

– Хорошо, милая. Может быть, позвонишь с дороги, как будете возвращаться? – Это было сказано тоном, не терпящим возражений.

– Конечно. Целую тебя, счастливо!

Я поспешила отключиться, пока она не завела разговор о приемах самозащиты или еще какой-нибудь чуши в этом роде. Сегодня вечером мне с трудом удалось выбраться из нашей квартирki – столько раз Патти останавливала меня с очередным предостережением. В какой-то момент мне даже показалось, что с нее станет отправиться вслед за нами в клуб.

– Вперед!

Я схватила Джея за руку и потащила его в гущу толпы. Кого там только не было – от панков и готов до мажоров! Мне удалось пробиться к переднему краю сцены, слегка побеспокоив несколько человек, – но я аккуратно перед всеми извинялась. В моем представлении, я задолжала Джею место в первом ряду, когда расстроила его.

Люди толпились на деревянной сцене точно так же, как и на всех прочих горизонтальных поверхностях в здании, небольшом и приземистом, но с высокими потолками. В царившую внутри атмосферу вносили свой вклад теснота и нарушение всех правил противопожарной безопасности, какие только есть в Джорджии.

Мы успели как раз к моменту, когда диджей призвал всех «уступить место» «Греховодникам». Зал приветствовал группу восторженным ревом, и первая песня оказалась мне знакомой – Джей иногда заводил ее нам по дороге в школу. Несмотря на мою всегдашнюю склонность к чересчур сдержанному поведению, музыка захватила меня, я подпрыгивала в такт и подпевала во все горло. И вместе со мной точно так же прыгал и пел Джей. Невероятно – это было *весело*. Скакала вся толпа, и мне передалось общее радостное возбуждение.

– Эгей, – крикнул в мою сторону Джей, когда кончилась первая песня. – Они! Дико! Клевые!

Началась вторая песня, более медленная. Я подуспокоилась и принялась разглядывать музыкантов. Певец-солист весь сочился самодовольством – густо-фиолетовая аура почти скрывала облегающую рубашку и джинсы. Он носил хитроумную прическу – волосы поставлены торчком и зачесаны набок, – а микрофон держал вплотную к губам, едва не целуя. В припеве темп ускорился, ударные сорвались в неистовое буйство, и разгоряченная публика снова принялась скакать. А я перевела взгляд на барабаны.

В барабанщике мне бросились в глаза несколько вещей, причем все одновременно. Он был полностью сконцентрирован на своей партии и идеально держал ритм. Вокруг его тела

не клубилась прозрачная цветная аура. Только в центре груди сияла плотная ярко-красная звездочка, а в остальном – пусто. Как странно! Но я еще толком не успела удивиться, когда посмотрела на его лицо.

Вот это да!

Он был потрясающе классный. *Классссный*. Раньше я не понимала, зачем девочки пишут слово «класс» с лишней буквой «с», но этот парень точно стоил добавочной «с». И не одной.

Я стала изучать его пристальнее, решив найти какой-нибудь изъян.

Каштановые волосы. Интересная стрижка – короткая на висках и на затылке, а сверху длиннее, прядь свободно спадает на лоб и пересекает его наискосок. Глаза узкие, брови немного густоваты, а... Господи, кого я пытаюсь обмануть? Я могла бы разобрать его по частям, но даже хитрый прищур глаз лишь усиливал мою тягу к нему.

Играл барабанщик с силой, как будто высвобождая страсть, и все остальное, казалось, не имело значения. Он чувствовал музыку, целиком погружался в нее и был великолепен. На голых руках и лице блестели капельки пота, виски взмокли и потемнели.

Никогда до того мне не доводилось испытывать столь внезапное и мощное физическое влечение. Его сила сметала всё. Естественно, я и прежде замечала у парней симпатичные черты, но обычно меня отвлекали их эмоции.

А у барабанщика ауры не было, и ничто не мешало мне разглядывать, как ходят бицепсы и мышцы предплечий, когда он опускает барабанные палочки в вихре безошибочно точных движений. Ритм опьянял меня, ударял по каждому нервному окончанию, проникал внутрь. Барабанщик двигался плавно, на сильных долях все его тело взмывало вверх, а лицо оставалось сосредоточенным и уверенным.

Я снова посмотрела на пунцовую звездочку у него на груди. Ничего похожего я еще не встречала. Вряд ли, подумалось мне, он может испытывать нечистое вожделение при такой полной сосредоточенности на музыке. Немыслимо! Песня завершилась оглушительным ударом тарелок; затем барабанщик поднял палочки, раскрутил их между пальцами и засунул под мышку. Джей восторженно орал вместе со всем залом. А я стояла неподвижно, оцепенев от восторга.

– Тебе понравилось? – спросил Джей.

– Да, конечно, – проговорила я, все еще глядя на барабанщика. Тот откинул каштановую прядь, упавшую на глаза, перевел взгляд на двух девчонок, которые что-то кричали ему с другого конца сцены, и одарил их самой чарующей и беспечной полуулыбкой, какую я когда-либо видела в жизни. Мое сердце мгновенно вскипело и теперь плевалось раскаленными брызгами. А девчонки вопили и скакали так, что их немаленькие бюсты грозили выпрыгнуть из блузок с вырезами чуть не до пупа. Пунцовая звездочка у барабанщика немножко увеличилась, и я почувствовала себя так, как будто запуталась в силках и меня рвут на куски. Еще одно новое ощущение, очень неприятное. Мне отчаянно хотелось, чтобы он перестал на них смотреть.

Ревность? Ну и ну!

– Это несправедливо, – сказал Джей, проследив мой взгляд. – Почему некоторым везет сразу во всем?

– Что? – Я, наконец, вышла из ступора и посмотрела на Джея.

– Да этот парень, барабанщик. Имей в виду. Он сногшибательный музыкант, девочек – тонны, папа – богатей, и плюс ко всему этому еще и обалденный британский акцент!

Такая смесь зависти и восхищения заставила меня улыбнуться.

– Как его зовут?

Эти слова я уже прокричала, потому что группа начала играть вступление следующей песни.

– Каидан Роув. Вот ведь подонок, и имя у него крутое!

– Как это пишется? – Фамилия прозвучала как «Кай-дан».

Джей продиктовал по буквам.

– После «а» идет «и», как в слове «Таиланд», – объяснил он.

Имя – как тайская еда, только еще аппетитнее. Ого! Что это за глупая девчонка без спросу поселилась в моем мозгу?

Сочетание «Каидан Роув» было мне знакомо. Я никогда не видела этого человека, но слышала о нем.

– Сколько им лет? – спросила я, кивком показав на группу.

– Семнадцать, – прокричал мне Джей прямо в ухо. Да, это впечатляло. Всего на год старше нас, и явно крупные таланты. По мнению Джея, «Греховодников» ждал триумф. Пока что они записали небольшой дебютный альбом и вели переговоры о его издании с несколькими фирмами в Лос-Анджелесе, а этим летом собирались в гастрольную поездку по южным штатам. Джей – такой фанат!

Сзади слышались недовольные возгласы: кто-то пробивался в нашем направлении, расталкивая толпу. Я оглянулась и увидела Грегори – его круглое лицо и копну курчавых каштановых волос над гавайской рубашкой, которая была ему велика. Грегори был музыкальным «сообщником» Джея – они написали вместе несколько песен и оба, что называется, подсели на музыку. Одна беда – ни один из двоих не умел петь. От слова совсем.

– Ты как раз вовремя, Грег!

Джей и Грегори, не обращая внимания на толчею, принялись за рукопожатия, толчки в грудь и прочие мужские приветствия. Потом обменялись кивками и мы с Грегори. Он мельком глянул на мои ноги, и я заметила в его ауре красные проблески, которые меня удивили и несколько покоробили. Впрочем, они исчезли, как только внимание Грегори переключилось на Джея.

– Хочешь верь, хочешь нет, – произнес Грегори, растягивая слова как истинный уроженец Джорджии, – но я только что говорил с Дугом – знаешь его, это один из билетеров, – и он может провести нас за кулисы!

Мое сердце само собой заплясало джигу, да так, что все внутренности затряслись.

– Шутишь? – ответил Джей. – Где диски?

Грегори показал два диска с их композициями и текстами песен – очень хороших песен, но мне претила мысль отдать их «Греховодникам». Ведь группа, наверное, постоянно получает такие вещи от своих фанатов. Что если труд Джея и Грегори будет отброшен в сторону, как будто они – ничего не стоящие позёры? Думать о такой возможности было неприятно, но вокруг друзей сияли такие счастливые желтые ауры, что мне оставалось лишь от души желать им удачи.

Еще одна песня закончилась, и я стала смотреть, как Каидан заглушает пальцами тарелки, засовывает под мышку барабанные палочки и отбрасывает прядь волос, снова свалившуюся на глаза. Когда он нагнулся взять бутылочку с водой, наши глаза встретились. Мое дыхание остановилось и намертво застряло в легких, а громкие голоса вокруг слились в стационарный белый шум. Одно восхитительное мгновение чувственная пунцовая звездочка на груди барабанщика пульсировала, потом его взгляд посуровел, и он нахмурился. Каидан обшарил меня глазами с ног до головы, снова перевел их на лицо, затем оборвал зрительный контакт, отхлебнул воды и вернул бутылочку на пол как раз перед началом следующей песни.

Этот короткий обмен взглядами вывел меня из равновесия.

– Схожу в туалет, – предупредила я Джея, повернулась и пошла, не дожидаясь ответа. Оказалось, когда идешь от сцены, пробираться сквозь толпу намного легче.

Спертый воздух женского туалета был насквозь пропитан запахами мочи и блевотины. Из трех унитазов два засорились, но пользовались, по-видимому, всеми тремя. Я решила потерпеть, подвела перед зеркалом губы и уже собиралась на выход, когда услышала разговор девчонок, вдвоем втиснувшихся в одну кабинку.

– Я *хочу* Каидана Роува.

– Знаю, ты уже говорила, верно? Тогда так – тебе надо кинуть ему свой номер. Ну, а я хочу Майкла. Позволю ему делать со мной то же, что он сейчас делает со своим микрофоном.

Девчонки, хихикая, выбрались из кабинки, и по роскошным бюстам я их опознала – это они прыгали перед сценой. Ауры у обеих изрядно поблекли.

Я поправила заколки. Яна, сестра Джея, разделила всю массу моих волос на тонкие пряди и расположила их в хорошо продуманном беспорядке, который я успешно поддерживала. Кроме того, она с моего согласия сделала мне легкий макияж, но в ответ на просьбу закрасить противную родинку на краешке верхней губы страшно возмутилась. *Ты с ума сошла? Даже и не думай скрывать отметину красоты!* И почему только родинку так называют? Моя родинка вовсе не была красивой. Маленькая и темная, она притягивала внимание – разговаривая со мной, все обязательно переводили на нее взгляд, а я этого терпеть не могла.

Я защелкнула последнюю заколку и отошла от раковины, освобождая место девчонкам. Они помыли руки под одним краном, жалуясь, что нет мыла, потом стали прихорашиваться. Я смотрела, как им легко вдвоем, и думала, как жила бы я, будь у меня подруга-ровесница. Еще чуть-чуть – и я бы вышла, но тут меня остановили слова одной из подружек.

– Бармен говорит, у Каидана папаша – большая шишка в нью-йоркском БЦП.

Меня стало подташнивать. Я знала, что такое БЦП – «Бесцензурные публикации», международный издательский дом, выпускающий, среди прочего, порнографические журналы, фильмы и можно только догадываться, что еще.

– Не может быть, – ответила вторая подружка.

– Еще как может! Слушай, нам надо попытаться проникнуть за сцену.

Девчонка так разволновалась, что, теряя равновесие, наступила мне на ногу и схватилась за мое плечо. Я протянула руку, помогая ей удержаться.

– Ой, прошу прощения, – с этими словами она упала на меня.

Когда она, по моему представлению, смогла восстановить равновесие, я ее отпустила.

И тут меня совершенно на ровном месте потянуло сделать гадость – раскрыть рот и сказать вещь, которая заведомо не будет ни правдивой, ни приятной.

– Я слыхала, что у этого парня, у Каидана, гонорея.

Что я несу? Сердце заколотилось как бешеное. Я знала, что почти все люди в той или иной мере врут, некоторые даже ежедневно, но сама по какой-то причине никогда ничего не выдумывала. Вплоть до того, что не говорила «спасибо, у меня все в порядке», если это было не так. Правда, люди не спрашивали меня, не выглядит ли их попа слишком большой в такой-то и такой-то одежде, так что настоящему испытанию моя честность, наверное, не подвергалась. И все же до этого момента я совершенно точно никого ни разу намеренно не обманула. Шок на лицах девчонок был отражением того шока, который случился у меня от собственных слов.

– Серьезно? – спросила девочка, которую интересовал Каидан.

– Кошмар! – отозвалась вторая.

Наступила неловкая пауза. Я не очень хорошо себе представляла, что такое гонорея, – только знала, что она передается половым путем. Как это меня угораздило? «Девочка Каидана» протянула руку и потрогала мои волосы. Я вздрогнула.

– Боже мой! Какие мягкие волосы! А цвет – как мед!

Ее аура была загрязнена алкоголем, и эмоции считывались плохо, но, похоже, она говорила вполне искренне. У меня в желудке стало кисло от чувства вины.

– Спасибо, – сказала я, чувствуя отвращение к себе самой. Невозможно было оставить эту безобразную ложь у нее в голове.

– На самом деле я ничего такого о Каидане не слышала.

Обе подружки посмотрели на меня круглыми глазами, я сглотнула и заставила себя продолжать:

– Нет у него гонореи. По крайней мере, мне ни о чем таком не известно.

– А зачем понадобилось это выдумывать? – Вторая, более трезвая подружка смирла меня заслуженным презрительным взглядом, а та, которая на меня свалилась, никак не могла оправиться от изумления. Я подумала, не выдать ли всё за шутку, но нет – ведь это была бы новая ложь. И потом, кто же шутит о венерических болезнях?

– Не знаю, – прошептала я. – Я просто... Простите меня.

Я попятилась и поскорее выскочила за дверь – очень вовремя, потому что «Греховодники» как раз заканчивали последнюю песню и публика уже тянулась к туалетам. Дальше должна была выйти другая группа. Ломая руки и кусая нижнюю губу, я пыталась найти в нахлынувшей толпе Джея. Мне хотелось домой.

– Анна! – Джей махал мне рукой от двери, которую караулил здоровенный мрачный тип со скрещенными на груди руками – классическая поза вышибалы. Пришлось пробиваться туда.

Я только что солгала! Все мои мысли были только об этом, а где-то в глубине живота копошились ужасные ощущения.

Грегори вытащил ламинированную карточку, вышибала взглянул на нее и открыл дверь. Я схватила Джея за плечо:

– Постой, может быть, мне лучше остаться снаружи?

Джей обернулся ко мне.

– Невозможно. Если я тебя брошу, Патти меня убьет. Все хорошо. Пошли. – И он потянул меня за собой.

Мы обошли группу рабочих сцены, которые поспешно увязывали какое-то оборудование, и направились в конец холла, к двери, из-за которой доносились звуки музыки и сильные голоса.

– Мы правда это делаем? – спросила я. Собственный голос казался мне визгливым и дрожащим. Из меня так и рвался крик.

– Остынь, Анна. Все нормально, успокойся, – сказал Джей.

В комнате было тепло, густой запах сигаретного дыма мешался с парами алкоголя. Я положила руки на бедра и, стараясь проделать это незаметно, проверила, не проступил ли у меня на маечке пот. Да, небольшие пятнышки были, и я снова опустила руки по швам.

Джей сказал «успокойся». Как будто это было возможно!

Мне хватило нескольких секунд, чтобы отыскать глазами *его*. Вон он, в дальнем углу с тремя длинноногими красотками, явно сведущими в тенденциях моды. Вокруг всех трех и каждой в отдельности – лента красной ауры. Одна вытаскивает сигарету из пачки, а Каидан, как волшебник, выхватывает коробок спичек и открывает его одним большим пальцем. Как ему это удастся?

Джей потянул меня за руку, но я не двинулась с места.

– Вы, ребята, ступайте, а я подожду тут.

Я не хотела уходить далеко от двери. Меня подташнивало.

– Ты уверена?

– Да, мне так нормально. Буду прямо на этом месте. Удачи вам, ни пуха ни пера, и прочее.

Джей и Грегори повернулись и начали прокладывать себе путь в толпе, а мои глаза предательски вернулись в тот самый угол. И встретили вроде бы ответный взгляд.

Я на целых три секунды уставилась в пол, а потом с сомнением подняла глаза. Барабанщик все еще смотрел на меня, позабыв трех красоток, которые изо всех сил пытались вновь завладеть его вниманием. Он поднял вверх палец и сказал им что-то вроде «Извините».

Боже мой! Неужели он?... Ой, нет... Да, он шагнул в мою сторону.

Мои нервы миготом пришли в полную боевую готовность. Я огляделась – нет, рядом никого не было, – а когда снова посмотрела в его сторону, он стоял уже прямо передо мной. Господи, какой же он был *обольстительный* – я мысленно использовала слово, которого до сих пор вообще не существовало в моем словаре. Такой обольстительный, как будто это его работа.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я забыла всякую осторожность, потому что никто и никогда так на меня не смотрел. Разве что Патти или Джей, но они не притягивали мой взгляд так, как он. Каидан не отводил взгляда, и я, как оказалось, тоже не могла оторваться от его темно-голубых глаз.

– Ты кто? – Он сказал это резко, почти враждебно.

Я моргнула – так странно меня еще никто не приветствовал.

– Я... Анна?

– Анна, красивое имя. Рад познакомиться. – Я безуспешно пыталась сосредоточиться на содержании его слов, а не на голосе и роскошном акценте, – с ними любая грубость звучала дивной музыкой. Он нагнулся ближе ко мне. – И все же *кто* ты?

Что бы это могло значить? Он спрашивает про какой-то титул или социальный статус?

– Мы только что зашли сюда с Джем, он мой приятель? – Какой ужас – у меня появилась вопросительная интонация, признак сильного волнения. Я махнула рукой в ту сторону, куда ушли ребята, но Каидан не сводил с меня глаз. Пришлось продолжать:

– Они недавно написали несколько песен, Джей и Грегори. Хотят, чтобы вы послушали. Ваша группа, то есть. Песни очень... хорошие?

Его глаза бежали все мое тело, задержались на несчастной тощей груди – я скрестила руки, – а потом добрались и до дурацкой родинки над губой. Тут мне в нос ударил сногшибательный аромат – апельсин, лайм и еще что-то вроде теплой лесной земли. Запах был приятным и очень мужским.

– Угу. – Его лицо приблизилось к моему, а глубокий низкий голос не стал тише. Он снова смотрел мне прямо в глаза.

– Красавица, где же твой ангел?

Мой кто? Может быть, ангел – это на британском сленге парень? Я не знала, что ответить, чтобы это не прозвучало жалким лепетом, а он выжидающе поднял брови.

– Если вы о Джем, то вон он там, разговаривает с человеком в костюме. Но он мне не парень, не ангел, или как это еще называется.

Я вспыхнула и плотнее прижала руки к груди. Ни от кого еще мне не приходилось слышать такой акцент, и я застыдилась того, как он на меня действует. Ведь барабанщик явно вел себя по-хамски, а мне все равно хотелось, чтобы он дальше со мной говорил. Зачем?

Он немного расслабился и отступил на шаг с несколько смущенным видом. Почему у него нет цветной ауры? Вроде не пьяный и не под наркотиком. А красная штучка у него на груди – что это? Усилив воли я заставила себя не глазеть на нее.

В конце концов он взглянул в сторону Джем, который оживленно беседовал с каким-то мужчиной, по виду менеджером, и самодовольно ухмыльнулся.

– А, так это он не твой парень? – Я отвернулась и промолчала.

– Ты уверена, что он в тебя не влюблен? – спросил Каидан. Я снова посмотрела на него – ухмылка сделалась прямо-таки гадкой, – и твердо ответила:

– Да. Совершенно уверена.

– А откуда ты знаешь?

Не могла же я объяснять ему, что только раз в жизни видела в ауре Джем мимолетное влечение ко мне. Я тогда снимала свитер, и майка задралась лишком высоко. Но даже это продолжалось всего несколько секунд, потом мы оба застеснялись.

– Просто знаю, и не будем об этом, ладно?

Он поднял руки вверх и рассмеялся – сдаюсь!

– Простите меня, пожалуйста, Анна, мне страшно жаль. Я совершенно позабыл о вежливости, потому что принял вас за... – Он осекся и протянул мне руку:

– Я Каидан Роув.

Я оторвала от груди тесно прижатую к ней собственную руку и взяла ладонь Каидана в свою. Все мое тело до последнего дюйма покрылось гусиной кожей, а лицо вспыхнуло. Как хорошо, подумалось мне, что освещение такое тусклое. У некоторых, когда они краснеют, только слегка розовеют щеки, а у меня все лицо до самых ушей делается пунцовым, и вдобавок шея идет пятнами. Очень некрасиво. От притока крови у меня закружилась голова – это тоже мое свойство. Пора было закончить рукопожатие, но Каидан продолжал держать мою руку в своей, и прикосновение его большой ладони и длинных пальцев было чудесно.

Он басисто хмыкнул и скользящим движением забрал свою руку. Дождавшись, пока мои руки опять скрестятся на груди, он поднял подбородок и понюхал воздух.

– Какой замечательный запах! Американские хот-доги – несравненная вещь! Я бы съел один – не сейчас, а чуть позже.

Ладно. Попробую наугад. Я принялась и сказала:

– Ничего не чувствую.

– В самом деле? А если чуть-чуть наклониться в сторону двери и вдохнуть немного... глубже?

Я сделала как он сказал. Ничего. И тогда я решила на вещь, которую делаю довольно редко, – усилила обоняние.

Нигде в клубе сосисками не пахло – только алкогольным перегаром и раствором хлорки для мытья полов. Тогда я двинулась дальше. В ближайшем ресторане – ничего. Дальше. В носу у меня жгло, голова плыла. Еще дальше – ага, вот оно! Ближайшее место, где сейчас продаются булочки с сосисками, – это уличный киоск примерно в миле отсюда. Обоняние вернулось в норму, и я обнаружила на себе внимательный выжидающий взгляд Каидана. Что за игру он затеял? Ведь он не мог этого унюхать – так зачем было притворяться?

Я покачала головой и постаралась сохранить на лице нейтральное выражение.

– Гм, – улыбнулся он. – Ну, значит, я, наверное, ошибся.

Господи, до чего же яркие у него глаза! Окаймленные густыми ресницами, они цвета темного сапфира или тропических вод из свадебного путешествия.

Что? Какое свадебное путешествие? Возьми себя в руки!

Тут между нами резко вклинилось воздушное создание, окутанное облаком парфюма. Спина создания оказалась так близко к моему лицу, что я поневоле сделала шаг назад.

– Мы там уже соскучились. – Руки девушки скользнули по груди Каидана и легли ему на плечи. При первом же прикосновении из нее вырвался красный вихрь, а он протянул руку и сжал ее костлявое бедро. Я отвернулась, чтобы не слышать, что он ей шепчет, – слова, казалось, ее успокоили. Она смерила меня ледяным взглядом и пошла назад.

– Возможно, мы еще увидимся где-нибудь поблизости, Анна. И будьте уверены, я обязательно послушаю песни вашего Джея самым внимательным образом.

С этими словами он исчез.

– Он не мой... – только и успела я выплюнуть в его удаляющуюся спину.

Я просто не там искала, когда во время концерта пыталась найти у Каидана какой-нибудь недостаток. Не лицо, а личность. Уверенность – хорошо, самоуверенность – нет. Я осмотрелась, чувствуя себя глупой и одинокой.

По счастью, мне не пришлось долго стоять одной – через мгновение вернулся Джей. Он был счастлив до небес, и я дала его эмоциям пропитать меня насквозь.

– О чем ты разговаривала с Каиданом Роувом? – спросил меня Джей. – Знаешь, вид у вас двоих был такой, будто вы сейчас начнете срывать друг с друга одежду!

Я судорожно глотнула воздух и хлопнула его по руке, но он не попытался уклониться.

– Вовсе нет. – Я быстро стрельнула глазами в сторону Каидана. Он был слишком далеко, чтобы слышать нас с Джейем, но за ту долю секунды, что я на него смотрела, успел мне подмигнуть и еще раз вогнать меня в краску.

– Вот как? – не отставал Джей. – А мне расскажешь? Что он тебе говорил?

Но что я могла бы ему рассказать, чтобы не оставить его в таком же полном недоумении, в каком осталась сама? Я опять глянула на Каидана и успела застать последнюю секунду, когда он смотрел на меня. Еще через мгновение он повернулся к нам спиной. Я решила уйти от ответа.

– На самом деле ничего. Очень странный разговор, я позже расскажу. Сейчас мне надо позвонить Патти и сообщить ей, что мы уже на пути домой, а потом я хочу услышать про тебя. Кто тот человек, с которым ты разговаривал? Что он сказал? А что Грегори – он остается?

Тактика отвлекающих маневров сработала. После выхода из клуба я без труда снялась с крючка. Джей все время вел машину, а я, поговорив с Патти, принялась подробнейшим образом расспрашивать его о беседе с бизнес-менеджером «Греховодников». Мы разобрали по косточкам каждое слово и пришли к выводу, что талант и целеустремленность Джея и Грегори произвели на менеджера исключительно сильное положительное впечатление. И к концу этого года они оба непременно выйдут в рок-звезды. Обычно я любила мечтать вместе с Джейм о великих свершениях, но сегодня только машинально поддерживала разговор, а мои мысли были далеко.

Я воспользовалась умением усиливать чувствительность, чтобы найти тот дурацкий запах горячих сосисок, и теперь не могла успокоиться. Когда нам оставалась миля до места, мои глаза сами собой отыскивали темный покинутый дом. Я смотрела на опаленные заколоченные окна, на наполовину провалившуюся крышу, над которой когда-то бушевало пламя, а если бы позволила себе вспоминать, то могла бы, наверное, ощутить и запах гари, и вкус золы.

Это случилось за неделю до того, как мне исполнилось девять, – я проснулась в два часа ночи от сильного запаха дыма, который жег мне ноздри. В доме пожар! Я пробралась в темноте в комнату Патти, стараясь, как меня учили, поменьше вдыхать, и стала ее будить:

– Просыпайся! Дым!

Патти в панике вскочила с кровати, помчалась в прихожую, постояла там – я в это время кашляла и задыхалась, – потом пробежала по всем комнатам и даже вышла на улицу проверить соседние здания.

– Ни в одной квартире не горит, милая. Должно быть, тебе приснился кошмар. Поспи остаток ночи у меня, я побуду с тобой, чтобы ты не боялась.

Это и правда был кошмар, только не страшный сон, а ужасная явь – для семьи, жившей в миле от нас. Это в их доме пылал пожар, который я ощутила так, как будто горела наша квартира. И мне тоже довелось провести долгую мучительную ночь из-за того, что мои чувства начали приобретать новую остроту.

– Что, замечталась о Каидане Роуе?

Я подняла глаза – машина стояла перед моим подъездом – и пробормотала:

– Нет, я думала не о нем.

Джей засмеялся, а я снова хлопнула его по руке тыльной стороной ладони.

И вздохнула, представив себе его реакцию на сообщение, что у меня суперсобачий нюх и глаза-бинокли. Он совершенно спокойно относился к тому, что я странная, но не знал, до какой степени.

– Спасибо за вечер, – сказала я. – Я замечательно провела время.

– Правда? Я знал, что тебе понравится! Я подвезу тебя в понедельник в школу?

– Спасибо! Тогда до понедельника!

Я вышла из машины и стала подниматься по ступенькам, чувствуя неприязнь к этому Каидану, – из-за него я выпустила на волю воспоминания, которые следовало бы держать закрытыми наглухо.

Глава вторая

Синдром хорошей девочки

Когда в понедельник я вошла после утренней пробежки в нашу квартирку, Патти жарила глазунью. Я стала за ней наблюдать, перегнувшись через барную стойку. Запястьем она откинула с лица золотистый локон, но тот упал снова. Тогда я протянула руку и заправила волосы ей за ухо. Вокруг груди Патти светилось прозрачное бледно-желтое облачко хорошего настроения, и на меня повеяло теплом.

Она перевернула яйцо и сокрушенно прицокнула языком, когда повредился и потек желток. Я наблюдала, как она орудует у плиты, и думала, что хорошо было бы мне быть ее настоящей дочерью и унаследовать от нее кое-какие гены. Например, иметь такие же густые кудрявые локоны и нежно-округлые формы.

Конечно, в субботу вечером она меня дождалась и потом выпросила обо всех подробностях, притворяясь, что рада за меня, – но я-то видела переполнявшую ее тревогу. Ей была выдана адаптированная версия, без упоминания о вранье и о странном разговоре с молодым человеком. Она слушала, закусив губу и внимательно наблюдая за моим лицом, но потом приняла мой рассказ и успокоилась.

Патти протянула мне тарелку и «шуганула» меня взмахом деревянной лопатки. Я усеялась за наш круглый обеденный стол, на котором громоздились неоплаченные счета и снимки, подтверждающие ее работу в качестве независимого фотографа, отодвинула их и спросила:

– Что у тебя сегодня?

– «Вестник» нанял меня снимать пресс-конференцию губернатора – это с утра, так что буду дома около четырех.

Я запомнила время, закруглилась с завтраком и побежала собираться.

Спустя пятнадцать минут я поцеловала Патти и уже приготовилась распахнуть дверь, но она ласково положила ладонь мне на щеку и проговорила:

– Я люблю тебя, милая моя девочка. – Вокруг ее тела пульсировала бледно-розовая аура любви.

– Я тебя тоже, – сказала я. Она потрепала меня по щеке, и я вышла.

Когда мы ехали в школу с Джем, он всегда заезжал за мной ровно в 7:10. Эта пунктуальность очень мне нравилась.

– Привет, что у тебя? – спросил он, когда я села в машину. Глаза у него были довольно заспанные.

– Доброе утро, чудесно, – ответила я, с силой дергая на себя скрипучую дверцу. Захлопнуть ее получилось только со второй попытки. Я скрутила жгутом влажные волосы и перебросила через плечо – за время пути они высохнут, распрямятся, и можно будет откинуть их обратно за спину.

Поскольку Джей – сова, дорога с ним в школу обычно проходила в полном молчании, но здесь был особый случай – ведь мы не общались с тех самых пор, как он привез меня домой вечером в субботу.

– Мне всегда было интересно, какой тип мужчин тебе нравится, но я и вообразить себе не мог, что это окажется крутой рокер!

Приехали. А я-то надеялась, что он будет слишком сонным для такого разговора!

– Он не моего типа. Парень моего типа был бы... хорошим. А не наглой самовлюбленной дрянью мужского рода.

Джей расхохотался:

– Ого, ты сказала «дрянь»? В жизни не слышал, чтобы ты так выражалась!

Я ответила сердитым взглядом – на самом деле мне было стыдно, – а он засмеялся еще громче.

– Ладно, хочешь загадку? Как называют человека, который тусуется с музыкантами?

Он вопросительно поднял брови, а я пожалала плечами:

– Не знаю. Как?

– Ударник!

Я покачала головой, а он еще с минуту похохотал над собственной шуткой, после чего принялся снова расспрашивать меня о Каидане:

– Значит, вы поговорили о моих дисках, потом не совсем поняли друг друга из-за каких-то его британских словечек, потом обсудили хот-доги? Но это же не может быть всё. Ты выглядела страшно возбужденной.

– Это из-за того, что возбужден был он. Разговор был, по сути, ни о чем, но я разнервничалась.

– Ты ведь сразу подумала, что он классный, правда?

Я отвернулась и стала смотреть в окно на пробегающие мимо деревья и дома. Мы уже почти приехали.

– Ага, я угадал! – Он хлопнул ладонью по рулевому колесу, в полном восторге от моего смущения. – Невероятно! Анна Уитт потеряла голову.

– Ну да, признаюсь. Правда классный. Но это неважно, потому что в нем есть что-то, что мне очень не нравится. Не могу объяснить, что. Он... пугает.

– Конечно, он не похож на других, если ты об этом. Только смотри, не заболей синдромом хорошей девочки.

– Синдромом кого?

– Это когда хорошая девочка влюбляется в плохого мальчика и надеется, что мальчик тоже в нее влюбится и волшебным образом исправится. А в результате портится сама. Как Джейми Мур, помнишь?

Джейми Мур! Вот в связи с кем я слышала имя Каидана! Она была из нашей школы.

Мы припарковались на обычном месте у старшей школы «Кэсс».

– Увидимся на ланче, – сказал Джей, уже глядя в сторону девочки по имени Кейла, которая вылезала из машины через два места от нас.

– Увидимся.

Я пошла к школе, а он задержался поздороваться с Кейлой.

Целый день у меня не шла из головы Джейми Мур.

Во время ланча, сидя рядом с Джейм, я против желания все время поглядывала в сторону Джейми. Она сидела в той же компании, что и всегда, но как бы уже не принадлежала к ней. Остальные шутили и флиртовали, а Джейми, погруженная в себя, отодвинулась к дальнему краю стола.

Джейми Мур никогда не страдала излишней замкнутостью или неумением следить за модой. На год старше меня, красавица, полная неподдельной доброты, она всегда светила счастьем, и в ее ауре преобладал солнечно-желтый цвет. В начале этого учебного года она была капитаном болельщиков и президентом театрального клуба, а ближе к концу осени я от кого-то услышала, что у нее появился парень, он из Атланты и играет в школьной музыкальной группе.

Каидан Роув.

Вскоре после этого ее аура начала менять цвет. С желтого на красный. С красного на серый. С серого на черный. Она была полна злости, потом отвращения к себе самой, а в последнее время впала в уныние. Ходили слухи о каких-то фотографиях Джейми в мобильнике ее парня, и о том, что они порвали отношения. Вскоре ее выгнали из команды болельщиков за плохие отметки. Потом заговорили, что она бывает на разных тусовках, переходит от одного

парня к другому, но ни с одним не счастлива. В зимнем спектакле ей впервые за все время не дали главной роли.

Когда я снова посмотрела на нее, у меня сжалось сердце. Вот она сидит в торце длинного стола, все еще модно одетая, с красиво уложенными волосами, – может быть, поэтому ее и не гонят. Но улыбка пропала с ее лица, а сияющий желтый цвет уступил место тускло-серой дымке.

Прозвенел звонок, и я стала наблюдать, как она плетется к выходу из кафетерия. Нет, я не хочу больше видеть Каидана. Теперь я была в этом уверена.

Как хорошо – я шла по битком набитым коридорам и холлам, почти не реагируя на всплески эмоций вокруг. Поначалу, после маленькой частной школы, где я училась первые восемь лет, мне довольно тяжело давалось пребывание в такой огромной толпе, а теперь я привыкла.

Учебный год почти закончился – оставалось всего две недели занятий. Жаркий климат Джорджии уже вступил в свои права: все облачились в топы без рукавов и шлепанцы, а также шорты и ничего не скрывающие юбки. Я старалась поменьше демонстрировать оголенную кожу – отчасти из скромности, а отчасти потому, что жалела мальчиков. Я хорошо видела, как им трудно бывает сосредоточиться на чем-либо, кроме своих всепобеждающих гормонов, хотя другие девочки могли этого не замечать.

Когда я проходила мимо Джея, он, не прерывая разговора с другим учеником из его музыкального класса, взъерошил мне волосы. Я улыбнулась и снова их пригладила.

Проскользнув в кабинет испанского, я сразу же занялась заданием, которое было написано на доске, а после окончания подсмотрела, что делает сидящий рядом Скотт Макаллистер. Оказалось, дремлет над первой строчкой упражнения по спряжению глаголов.

Красавчик Скотт с огромными карими глазами и лицом младенца входил в команду штата по борьбе. Со мной он всегда был любезен, иногда пытался заигрывать, но я не принимала это близко к сердцу, видя, что точно так же он заигрывает и с другими девочками.

Учительница рано закончила урок и дала нам задание приступить к работе над заключительным проектом.

– Сеньора Мартинес? – я подняла руку, она кивнула, и я продолжила:

– Вы соберете у нас домашнее задание?

Весь класс хором зарычал на меня, а парень рядом со Скоттом пробормотал:

– Заткнись, идиотка!

Я вся сжалась от стыда за свой промах.

– Ah, sí! – сказала сеньора Мартинес. – Gracias, Anna.¹ – И пошла по классу собирать работы.

– Ну почему ты все время такая правильная? – прошептал Скотт. Я подняла глаза и по выражению его лица поняла, что он хотел сжульничать. Ему нечего было отдать учителю.

Когда сеньора Мартинес вернулась на свое место, лицо у меня все еще горело. Вероника, сидевшая впереди, обернулась и посмотрела на меня с симпатией. Она была одной из немногих, кто сделал задание.

После этого никто даже не попытался перейти к проекту. Ну, разве что я со своей маниакальной старательностью. Остальные принялись оживленно болтать, как на перемене, а сеньора Мартинес устала в свой компьютер и не обращала на нас внимания. Учителя тоже были готовы к скорому окончанию года.

Я открыла блокнот.

Вероника наклонилась что-то положить в сумку, увидела мои босоножки и сказала:

– Стильные туфельки! Где взяла?

¹ Ах, да. Спасибо, Анна (*исп.*).

Ох, как мне в тот момент хотелось уметь врать! Отвечая, я не поднимала глаз от тетради: – Спасибо. По-моему, на дворовой распродаже или, может быть, на блошином рынке. На чем-то таком.

– О! – Вероника опять посмотрела на босоножки, на этот раз более критическим взглядом, и мы обменялись вежливыми улыбками. У нее были черные коротко остриженные волосы и почти греческий нос с легкой горбинкой. За мгновение до того, как опять повернуться к подругам, Вероника заметила, что я смотрю на ее нос, и меня ошеломила вырвавшаяся из нее темная волна самоуничижения. Ну конечно! Она люто ненавидела эту горбинку – черту, которая, на мой взгляд, придавала ее внешности естественную привлекательность. Я о таком даже не мечтала.

Скотт повернулся за партой в мою сторону.

– А что ты делаешь в следующую пятницу, коротышка?

– Nada, – ответила я.

– Чего надо? – Его озадаченный вид заставил меня улыбнуться.

– Ничего. По-испански – nada.

– А, ну да. Никак не отойдешь от урока, а я и думать о нем забыл. Я о другом – хочешь пойти на вечеринку? У родных Джина дом на озере.

У меня екнуло под ложечкой.

– Ух ты, круто. Но не знаю, получится или нет. – Я облокотилась на парту и сделала вид, что изучаю вырезанные на ней надписи.

– Джей тоже приглашен. Приходи, а то ведь мы никогда не тусовались вместе.

Скотт глядел на меня так мечтательно, что будь на его месте кто-нибудь другой, мне стало бы сильно не по себе. Я посмотрела на его эмоции – радость, надежда, чуть-чуть вожделения. Его внимание и явный интерес льстили мне, тут я ничего не могла с собой поделать.

– Попробую поговорить об этом с Джейм, – сказала я, не упоминая о Патти, хотя убеждать предстояло именно ее, и в этом заключалась вся сложность. – Только знаешь, я не тусуюсь – ну, в тусовочном смысле.

Выдавая этот неуклюжий оборот, я была не в силах даже посмотреть ему в глаза, но мне не хотелось, чтобы у него возникли ложные ожидания.

– Знаю, – ответил он. – А почему?

Как ему объяснить? То, что ровесники устраивают вечеринки с алкоголем, не казалось мне непременно заслуживающим осуждения. В моем представлении это был наивный бунт и попытка исследовать свое «я». Но алкоголь обещал опасные радости, к которым я чувствовала сильное влечение. Оно-то, по иронии, меня и отталкивало. Скотт не отставал:

– Ты боишься?

– Типа того, – призналась я. – Боюсь, что сделаю что-то, чего мне в норме совсем не хочется.

– На самом деле это очень здорово. Становишься открытым и свободным.

Да уж, открытым и свободным! Интересно, так ли себя чувствовал Денни Лоуренс, когда в прошлом году свалился во время пикника прямо посреди поляны, а другие напившиеся мальчишки решили, что будет очень весело встать в кружок и дружно на него помочиться. Или страшная история, случившаяся на рождественских каникулах, – о ней у нас в школе не говорят. Девочка из выпускного класса вела машину после вечеринки с наркотиками и не справилась с управлением. Она что, чувствовала себя отважной? Ее лучшая подруга, сидевшая рядом на пассажирском сиденье, разбилась насмерть. Каждый раз, когда я видела виновницу аварии где-нибудь посреди холла в черном облаке угрызений совести, мне хотелось заплакать.

– Наверное, мне это просто скучно, – пробормотала я, собираясь на этом закончить разговор, и взглянула на часы на стене. К счастью, вот-вот должен был зазвонить звонок.

– Поверь, Анна, – Скотт наклонился к самому моему уху. – Одна-единственная рюмка или доза экса, и тебе может быть как угодно, но только не скучно.

Я внутренне напряглась. Экс. Экстази. Слово запрыгало во мне как каучуковый мячик, неуправляемый и неуловимый. В глубине подсознания что-то всколыхнулось, дыхание стало чаще. Я не любила признаваться себе, что во мне есть это темное начало, – оно напоминало о себе при каждом упоминании наркотиков или спиртного. Честно говоря, именно поэтому меня так потянуло к Джею в прошлом году – я заметила в нем нечто подобное, хотя и не в точности то же самое.

Во все его эмоции вплеталась какая-то темная прядь. Она присутствовала в ауре постоянно, а иногда – особенно если заходила речь об алкоголе – угрожающе разрасталась. Я не знала, что это значит, но хотела быть рядом с ним. Почему-то казалось, что я сумею как-то ему помочь или даже его защитить, – смешно, он же мускулистый здоровяк.

До Вероники, видимо, донеслись какие-то слова из нашего со Скоттом разговора, потому что она повернулась ко мне и с заговорщицкой улыбкой спросила:

– Ты идешь на вечеринку, Анна?

– Еще не знаю, может быть.

– Тебе обязательно надо пойти! Это будет что-то сумасшедшее, все туда собираются.

Я опустила глаза и начала водить ластиком, закрепленным на конце карандаша, по вырезанным на парте надписям. Попробуем сменить тему.

– Знаешь, в среду мне исполняется шестнадцать, и я иду получать водительские права.

– Как я тебе завидую! – Вероника хлопнула ладонью по моей парте. – Мне уже три месяца как шестнадцать, а папаша до сих пор не съездил со мной за правами. Уверена, он меня ненавидит. А машину ты получишь?

– Ой, нет, даже и близко не предвидится.

Тут раздался звонок, все разом повскакивали с мест и похватали свои вещи. Только тогда напряжение, клещами сжимавшее мне горло, ослабло, наконец, свою зловещую хватку и отпустило меня.

Глава третья

Неожиданный подарок к шестнадцатилетию

Проснувшись утром в среду, я вовсе не ощутила, что стала старше. Патти сидела на балконе со своей чашечкой кофе и газетой. Увидев меня, она мгновенно переключилась, и ее лицо просияло.

Рядом с ней парило что-то туманное, вроде призрака. Я закрыла глаза руками, потом убрала ладони, но призрачная фигура не исчезла. Она была примерно того же размера, что и сама Патти, может быть, чуть выше – как размытая белая тень. Неужели у меня открылся еще один дар видеть то, чего не видят другие? Пожалуйста, только не это. Предыдущий опыт научил меня бояться новых способностей; при появлении каждая из них причиняла мне боль – как тогда, когда я в ужасе задыхалась в дыму, потому что за милую от нас полыхал пожар.

– С днем рождения! – Патти поднялась, крепко меня обняла, потом взяла руками за голову и заглянула мне в глаза:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Ну...

Мой взгляд скользнул к тени, которая двигалась вокруг Патти, не меняя общих очертаний.

– Что с тобой? – Патти оглянулась через плечо, куда смотрела я, потом провела ладонью по руке от плеча до запястья, совсем рядом с тенью. – Только не говори, что у меня перхоть. – Она провела рукой по своим волнистым волосам и оттянула их вбок, чтобы посмотреть.

– Нет-нет, никакой перхоти. Все в порядке, извини. Я просто все еще усталая, поэтому рассеянная.

Она снова сжала меня в объятиях и поцеловала в макушку.

– Никак не могу поверить, что моей маленькой девочке уже шестнадцать! Нанá прислала тебе открытку – возьми на барной стойке, – а я пока сделаю тебе какао.

Патти направилась внутрь квартиры, а облачная фигура поплыла следом, как привязанная.

Пока Патти варила какао, я удобно устроилась в пластиковом кресле, но все равно чувствовала себя тревожно. Обычно на меня успокаивающе действовала привычка встречать утро на балконе с горячим напитком, но сегодня утренняя сырость и странное облако выбили меня из колеи.

Неужели я стала видеть что-то еще? Уже несколько лет со мной не происходило ничего странного, и мне уже начинало казаться, что сюрпризы закончились. Я закрыла глаза и положила голову на стол, упершись в него лбом. Закончатся ли они когда-нибудь?

Патти вернулась, и я выпрямилась. Она поставила передо мной какао, а сама уселась в кресло напротив со своим кофе. Улучив момент, когда она не смотрела, я еще раз украдкой взглянула на облачную тень.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – сказала Патти.

Пора вести себя нормально. Я прочистила горло.

– Да, совершенно. Кстати, на следующей неделе будет вечеринка по поводу окончания учебного года. Как ты считаешь, мне можно будет туда пойти с Джем?

Я думала про Скотта и надеялась, что Патти ответит согласием.

Патти понюхала воздух, наморщила нос и строгим голосом спросила:

– Вечеринка у кого-то дома? А родители этого человека там будут?

– Не знаю.

– Тогда так. Мне надо будет сначала поговорить с ними. Если собирается небольшая компания под родительским присмотром, то я не стану возражать.

Господи! Посмотрев на Патти, можно было подумать, что я склонна к плохому поведению или чему-то такому. Это я-то! Мисс Примерная девочка нашей школы. Почему она мне не доверяет? Наверное, я надула губы, потому что Патти отложила газету и погладила меня по руке, чтобы утешить.

– Ты все еще хочешь пойти после школы получать права, милая?

– Да, – ответила я. Потому что все нормальные люди в шестнадцать лет это делают, а я была готова убиться, лишь бы производить впечатление нормальности.

– Хорошо. А потом поужинаем в «Ла Тиа»?

– Да!

При этих словах мое настроение сразу поднялось. Мы обе обожали мексиканскую кухню и отправлялись в этот крохотный обшарпанный ресторанчик отмечать каждый день рождения, а также всякий раз как Патти неожиданно получала деньги, – что случалось нечасто. Газеты и рекламные агентства нанимали ее нерегулярно, и ее доход никогда не был стабильным. Особенно трудно нам пришлось в те восемь лет, когда я ходила в частную школу, хотя плату за нее нам частично компенсировали. После восьмого класса мне попала на глаза пачка просроченных квитанций, заткнутая между двумя поваренными книгами, и я категорически заявила, что должна учиться в государственной школе.

– Вот и отлично. Тогда заеду за тобой после школы. Терпеть не могу убегать раньше тебя, но надо кое-что сделать с утра – ведь после обеда у нас обеих время расписано!

Она звонко чмокнула меня в щеку.

– Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

– Да, – сказала я. – Уверена. Люблю тебя.

– А я тебя.

Я проводила Патти взглядом – за ней, не отставая, плыла облачная тень.

С ближнего дерева раздавался птичий щебет, в воздухе пахло мокрой травой. Я решила проверить свой слух на птичках. Сосредоточилась, протянула к дереву невидимую бечевку толщиной с карандаш, а на конце надула пузырь. Птички защибетали так громко, как будто сидели у меня на плече.

Усиление обоняния и вкуса произошло у меня одновременно, в ту самую ночь, когда пожар оставил во рту привкус смерти. По ощущениям меня тогда словно засунули в крохотную наглухо закрытую комнатку, без вентиляции и с чадающим грилем. Я не сразу научилась управлять этой новой способностью. Поначалу мне казалось, что ее невозможно контролировать и что я умру или сойду с ума.

Дальше кошмар стал повторяться примерно раз в год – это расцветало очередное новое чувство. Когда появился сверхчуткий слух, голова раскалывалась на части от сотен голосов и всевозможных звуков в радиусе мили от меня – как если бы внутри моего черепа стоял включенный на полную громкость телевизор без регулятора. Он орал так, что я не слышала собственного крика.

Последним пришло нечеловечески острое зрение – оно приветствовало меня на пороге двенадцати лет. Тут я хотя бы могла закрыть глаза.

Освоение новых способностей всякий раз давалось ценой упорных тренировок, не говоря уже о преследовавших меня головных болях, приступах тошноты и кровотечениях из носа. Видеть, слышать, обонять на милю вокруг – это огромная сенсорная перегрузка, а идеальное здоровье, к сожалению, не означало невосприимчивости к боли.

У врача я бывала только на ежегодных осмотрах, потому что ничем, кроме мигреней, никогда не болела. Любые порезы, царапины, ушибы полностью проходили за несколько часов, иногда быстрее. Не как рана супергероя в телевизоре, которая прямо на глазах закрывается и заживает, а как цветок, когда он поворачивается и раскрывается навстречу утреннему солнцу. За этим тоже можно было бы понаблюдать, – только у кого есть время на такие вещи?

В те дни я много пропускала школу. Но до девятого класса у меня не было друзей, и это в первый – и единственный – раз оказалось преимуществом: не надо было никому объяснять, в чем дело. А Патти была все время рядом. Она воспитывала меня с раннего детства, с того момента, как штаты Калифорния и Джорджия согласовали удочерение. Я тогда как раз осваивала первые слова и тут же выучилась называть ее «Пать-пать».

Невозможно было скрыть от Патти физические побочные эффекты всего того, через что я проходила, но ей каким-то образом удавалось не задавать вопросов и все же всякий раз делать именно то, что мне требовалось. Как бережно она расчесывала мои длинные волосы, когда усилилось осязание! В то время стоило их чуть дернуть, и с меня как будто сдирали скальп. Из-за чувствительной кожи и мышц мне причиняло боль каждое движение рук.

Одно время мигрени так меня мучили, что я не могла ни есть, ни спать, и Патти ухитрилась где-то раздобыть сильное болеутоляющее, отпускаемое строго по рецепту. Считалось, что от одной его таблетки взрослый мужчина на несколько часов впадает в беспробудный сон. Ну, а я, приняв первую таблетку, почувствовала облегчение и погрузилась в блаженную дремоту минут на двадцать, после чего жгучая боль снова пробила себе дорогу. С обеда и до ужина я проглотила шесть штук. Патти, увидев это, пришла в ужас, потому что инструкция категорически требовала принимать не более двух в день, и забрала таблетки. Всю неделю я, как безумная, обшаривала нашу квартирку в поисках этих таблеток, но так их и не нашла.

С каждым из пяти физических чувств я постепенно справлялась все легче, учась фокусировать поток восприятия. Под конец приходила способность поддерживать нормальный уровень чувствительности, повышая его, когда нужно. Тут бы и радоваться, только мне не с кем было поделиться своими чувствами.

Оказалось, туманные облачка есть повсюду, и они следуют за людьми: у каждого человека – по облачку. Весь день я изумленно на них глазела и наверняка выглядела еще более странной, чем всегда.

Меня книжки в своем шкафчике, я наблюдала за облачком, сопровождавшим Джея.

– Что случилось, именинница? – Джей стал озиаться вокруг себя. – Ко мне прилип шарик из жеваной бумаги или что-то еще?

– Нет, ничего. Извини. – Я заставила себя смотреть на его лицо. – Я сегодня получаю водительские права.

– Чудно. У Патти ведь машина с напольным рычагом переключения передач, значит, ты и мою сможешь водить.

– Очень хорошо, – согласилась я. Машина Джея была такой раздолбанной, что старый седан Патти по сравнению с ней казался новехоньким.

Мы захлопнули шкафчики и влились в общий поток учеников, расходившихся по классам. Пока Джей не видел, я осторожно потрогала белое облачко перед собой. Рука прошла сквозь него. Я повернулась к Джею и спросила:

– Ты собираешься на вечеринку по поводу конца года в следующую пятницу?

Он стукнулся кулаками с шедшим навстречу нам президентом театрального клуба. Когда мы проходили мимо девочка из танцевального кружка, хлопнула дверцей своего шкафчика, бросив на Джея игривый взгляд. Он оглянулся через плечо и только потом вернулся к разговору со мной.

– Это которая у Джина? Ты действительно туда хочешь?

– Да, пожалуй, – сказала я. – Если Патти отпустит.

Мы уже дошли до дверей моего класса. Джей завел большие пальцы под лямки своего рюкзака:

– Послушай. – Он заколебался. – Просто... поосторожнее со Скоттом, хорошо?

Что-что?

– Постой, как это возможно – страшно радоваться по поводу такого человека, как Каидан Роув, но предупреждать меня относительно персонажа вроде Скотта Макаллистера?

Джей устался в пол и стал со скрипом водить по нему носком своей теннисной туфли.

– Ты не слышала его в мужской раздевалке после физкультуры.

– О! – Я на мгновение задумалась. – Он что, говорит гадости обо мне?

– Нет, не о тебе. Неужели ты думаешь, что я бы ему позволил? – Джей отвел глаза. – Ладно, не обращай внимания. Забудь. Считай, что я тебе ничего не говорил.

Может быть, Джей ревнует к Скотту – не меня, а вообще? Вряд ли. Скотт, конечно, популярен, но ведь и Джей тоже, хотя и по-другому. Вдобавок я никогда не замечала у Джея ревности, да и сейчас ее не было – только тревога, серовато-коричневый цвет.

– Обязательно буду осторожной, – пообещала я. – И потом, ты ведь тоже туда идешь. И Кейла наверняка собирается...

– Хорошо-хорошо, – сказал Джей. – Я согласен.

Он резко оборвал разговор и рванул по коридору в свой класс, чтобы не опоздать. Его белое облачко мчалось следом.

Я вошла в кабинет как раз вовремя и часто заморгала – он был полон туманных теней, которые плавали рядом с моими одноклассниками. Теперь надо будет привыкать еще и к этому. Начался урок всемирной истории, нам выдали групповые задания. Пока все двигали столы и менялись местами, я решила воспользоваться моментом и переговорить с Джином.

– Джин! – прошептала я. Он оглянулся и кивнул.

Коренастый и мускулистый, Джин занимался борьбой, как и Скотт, но в более легком весе.

– Моя мама... она типа хочет поговорить с твоей мамой про вечеринку. Чтобы убедиться, что мы будем под присмотром, и все такое.

Я изо всех сил старалась, чтобы интонация не звучала слишком заискивающе. Брови Джина на секунду приподнялись:

– Понял вас, девушка.

Он оторвал уголок своего листка.

– Скажи ей, пусть позвонит по этому номеру в четверг накануне вечеринки. Объясни, что у моей мамы на работе безумный график, и это время самое для нее удобное. Годится?

Я поблагодарила его, чувствуя легкое головокружение, засунула бумажку в карман и пошла к своей группе.

Глава четвертая

Вечеринка на озере

Следующая пятница была последним днем занятий. Стояла липкая жара, и сумерки не принесли большого облегчения. Кондиционер в машине Джея, поставленный на максимальный холод, обдувал нас слабым тепловатым ветерком. Все время, пока мы ехали к дому Джина на озере, я, упершись ногами в пыльный щиток, обмахивала нас обоих подобранной с полу старой коробкой из-под жареного картофеля, сохранившей запах фритюра.

Я никогда не бывала в домах на озере, но к самому озеру ездила не раз – на пикники, которые устраивала церковная община, в свободные дни вдвоем с Патти, – и очень любила эту тихую извилистую дорогу среди густых деревьев.

Автомобиль затрясся – это мы свернули на аллею, посыпанную гравием. В противоположном ее конце виднелись огни других машин и красивый просторный дом, сложенный из огромных бревен. Когда мы припарковались и вышли, уже темнело. В теплом влажном воздухе отовсюду доносились серенады сверчков, лягушек и цикад.

Дом был ярко освещен, а тропинка к нему – нет, и я усилила зрение, чтобы не наступить на камень или упавшую ветку. Вместе со способностью видеть на большое расстояние я получила и умение повышать чувствительность к свету, которое про себя называла «ночным зрением». Тонкий серебряный молодой месяц светил еще слабо, и для нормального глаза его яркости не хватило бы, но мне этого было достаточно. Мы пошли по тропинке, и гравий похрустывал под нашими ногами.

– Какая махина, – восхищенно заметил Джей.

– Да, – согласилась я, – огромный домина.

Представьте себе хижину в три этажа, с трехэтажной галереей по всему периметру и изогнутой крышей.

Мы дошли до освещенной внешней галереи, и я снизила чувствительность зрения до нормальной. Изнутри доносились голоса, смех, громкая музыка, а когда Джин открыл дверь, весь этот шум резко ударил нам в уши.

– Не может быть! Народ, смотрите, кто пришел! Привет, Джей! – Парни пожали руки, потом Джин обернулся ко мне:

– Анна Уитт в этом доме! – Он привлек меня к себе, сильно дыхнув алкоголем, и мы обнялись. Стащил что-то потихоньку от родителей?

Мы пошли сквозь толпу гостей, ежесекундно задевая кого-нибудь плечом, и народу становилось все больше. Буквально каждый встреченный нами человек приветствовал Джея. В общей комнате было полутемно, гремела стереосистема, и несколько человек танцевали. Из столовой раздавались веселые крики – там во что-то играли. Мы с Джем остановились при входе и заглянули внутрь.

Шло соревнование мальчиков с девочками. Команды стояли друг напротив друга у длинного стола, и каждый игрок пытался щелчком подбросить и перевернуть свой пластиковый стаканчик. Стаканчик Кристин Миллер в конце концов приземлился вверх дном, и она подняла руки в победном жесте. Остальные девочки запрыгали и радостно завопили, а мальчики застонали и замотали головами.

– Выглядит забавно, – сказала я Джею.

– Это игра, в которой надо пить, – объяснил Джей. – Называется «Опрокинь стаканчик». Перед тем, как щелкать по стаканчику, полагается выпить то, что там налито, а трезвым играть нечестно.

– Ой!

Мы прошли в громадную кухню с высоким изогнутым потолком, как бы парившим над терракотовой плиткой и кухонной техникой из нержавеющей стали. Кухонный островок – целый остров – из массива гранита был весь уставлен яркими разноцветными пластиковыми стаканчиками, пакетами сока, бутылками с газировкой, банками с пивом – и бутылками со спиртным. У меня все сжалось внутри. Неужели родители Джина разрешают несовершеннолетним вот так вот открыто употреблять алкоголь?

Перед большим окном с видом на озеро стоял в компании гостей Джин. Он отделился от группы и подошел к нам.

– Что вам налить? – Он ткнул большим пальцем в сторону островка с бутылками.

– Мне ничего, спасибо, – ответила я. Джей колебался – я это почувствовала и стала его мысленно уговаривать: будь сильным, тебе это не нужно. Он встретился со мной глазами, вздохнул и произнес:

– Нет, сейчас ничего, друг.

– Вы уверены? – Джин рассматривал нас с явным недоверием. – Моей сестре только что исполнился двадцать один год, так что мы все скинулись и сказали ей скупить все, что есть в магазине, а сдачу оставить себе.

– А где родители? – спросила я, озираясь вокруг себя.

– На Багамах.

– *На Багамах?* – Я не могла скрыть своего потрясения.

– Да. А номер, по которому звонила твоя мама, – он моей сестры. Сестра гениально изображает родительский голос. Никак не поверю, что вы не хотите выпить. Лучше налейте себе чего-нибудь, пока все не закончилось.

Тут раздался звонок в дверь, и Джин стрелой помчался через холл, уже полный гостей, скользя по полу ногами в носках.

– Патти думает, что его родители здесь, – ошеломленно пробормотала я. Джей запустил пальцы в свою густую коротко стриженную шевелюру.

– Да? И ты поэтому хочешь уехать? Я правильно тебя понял? – Он говорил с плохо скрываемой неприязнью.

Я не ответила. Мне не хотелось уезжать, но в то же время я чувствовала себя виноватой, что остаюсь. Тогда я предложила компромиссное решение:

– Давай отведем себе здесь один час. Годится?

– Договорились. Один час. – Руки Джей все еще были на голове. Потом он опустил их, потер ладони. Его желтую ауру насквозь прошила нервная серая полоса.

– Я мог бы, – сказал он с надеждой, – выпить одну рюмку. Всего одну. У тебя теперь есть права, и ты можешь отвезти нас обратно.

– Ты – душа этой вечеринки, – ответила я, шутливо тыкая его пальцем в грудь. – Другим надо выпить, чтобы стать такими, каков ты трезвый.

Он ущипнул себя за редкие волоски на подбородке.

– Не знаю, как ты, Уитт, а я, кажется, ни в чем не могу тебе отказать, как бы сильно мне ни хотелось. Вот ведь досада!

Я улыбнулась, так как видела по его бледно-желтой ауре, что он ни чуточки не сердится.

Позади Джей возникли прямые как стрелы светлые волосы Кейлы и ее шикарные очки в проволочной оправе. Кейла занималась танцами, и у нее была фигура типа «песочные часы».

– Засекла твою пессию, – шепнула я.

– Миииилая, – тоже шепотом ответил он.

– Подойди к ней, а я пока полюбуюсь окрестностями.

Я ободряюще сжала рукой его мощный бицепс и направилась к задней двери. Позади меня Джей, очевидно, поздоровался с Кейлой, потому что все ее подружки радостно закричали в ответ.

На галерее было пусто. Я подошла к деревянным перилам и положила на них ладони. Уже совсем стемнело. Сверчки и лягушки, казалось, состязались, кто кого перекричит, и повсюду мерцали огни светлячков. Слабо освещенная каменистая тропинка вела к причалу и лодочному сараю; в той стороне слышались голоса и двигались тени – значит, туда тоже забрались какие-то участники вечеринки. В лунном свете искрилась вода озера; воздух после дневного зноя оставался теплым и липким, но все равно было хорошо.

За моей спиной распахнулась и снова закрылась дверь, на миг выпустив какофонию музыки и голосов.

– А, вот ты где!

Я обернулась на голос.

– Привет, Скотт!

А заодно и вы, бабочки в животе. На самом деле я все время думала о нем с того самого момента, как он меня пригласил.

Скотт подошел ко мне и встал рядом. В руках у него был красный пластиковый стакан, от которого шел кислый хлебный запах.

– Пиво, – сказал он. – Хочешь глотнуть?

– Нет, спасибо. – Мне было неловко. Он откинул голову назад и в несколько глотков осушил стакан, потом отвернулся и рыгнул. Чудненько.

– Прошу прощения, – он поставил пустой стакан на перила. – Так вот. Что ты тут делаешь в одиночестве?

– Просто вбираю все это в себя. Тут такая красота!

– Ага, – отозвался Скотт. – А твоя прическа тоже ничего.

– Спасибо. – Волосы у меня на макушке были заколоты, а остальные свободно свешивались за спину.

Я поглядела на звездное небо, замороженная величием мироздания.

– Помнишь, что нам рассказывал в этом году мистер Банкер на уроках науки о земле, когда мы проходили астрономию?

– Ох, нет, – гоготнул Скотт.

– Ладно, тогда смотри. Вон там, – я показала, – Большой ковш. Этот четырехугольник – черпак, а этот ряд – ручка. Видишь?

Я стала водить пальцем, прочерчивая форму. Скотт придвинулся ближе:

– Где? А, вот они! Вижу! Круто.

Мы оба замолчали, и тут до меня дошло, что обстановка у нас самая что ни на есть романтическая. Только мне почему-то было беспокойно, и я не могла взглянуть в сторону Скотта.

– Пошли в дом, – предложил он. – Ты видела подвал?

Я отрицательно покачала головой.

– Это что-то невероятное. Давай я тебе чего-нибудь налью, и мы вместе туда ходим.

– Скотт...

Зачем он вынуждает меня это повторять? Честное слово, было бы легче выпить, чтобы только от меня отвязались.

– А если чего-нибудь безалкогольного? Газировки? Сока?

Мне и правда хотелось пить.

– Конечно, спасибо. Все годится.

Мы направились внутрь, при этом Скотт взял меня за руку. Ощущение было непривычное, но приятное. Народу еще прибавилось, и ауры у многих успели потускнеть или вовсе пропасть из-за выпитого спиртного. Но белые облачка оставались прежними – на них алкоголь не действовал. И они, хотя и просвечивали насквозь, усиливали ощущение тесноты.

В помещении, несмотря на высокие потолки, было жарко и душно. Мы шли, все еще держась за руки. По дороге нам попалось несколько знакомых школьных спортсменов. Они окликали Скотта – «Привет, Скотт!» и «Скотти!», – стукались с ним кулаками, глядели на меня, понимающе кивали и показывали большой палец или «дай пять». Я делала вид, что ничего не замечаю.

К ступенькам, ведущим в подвал, я подходила со смешанным чувством смущения, нервозности и, стыдно признаться, радостного волнения. Интересно, подумалось мне, не станет ли эта вечеринка нашим «свиданием»? Не здесь ли случится мой первый поцелуй? От этих мыслей у меня задрожали колени, и я крепче сжала руку Скотта.

У меня есть час. Столько я выделяю для этой вечеринки, а потом отдам должное Патти. Вообще-то, со времени нашего с Джем договор минут пятнадцать уже прошло, но пусть они не считаются. Шестьдесят минут с этого момента.

– Ты спускайся, – закричал мне в ухо Скотт, – и поищи, где нам сесть, а я принесу напитки.

Всю дорогу вниз по лестнице у меня подгибались ноги. Внизу я остановилась при входе. Моим глазам открылся огромный неразгороженный зал – мечта любого мужчины. На стене красовался гигантский плоский телевизор, перед ним – циклопический угловой диван. Еще там имелись бильярд, настольный футбол, несколько игровых автоматов, а сбоку располагались внушительного размера ломберный стол и бар. Стены были украшены спортивными сувенирами из разных колледжей.

Посмотрев, кто здесь чем занят, я быстро уяснила себе две вещи. Во-первых, на всех диванах увлеченно целовались. Во-вторых, в другой половине комнаты незнакомые парни старше меня курили марихуану. Инстинкт подсказал мне, что это она, хотя резкий сладковатый запах ее дыма попал в мои ноздри впервые. Аромат влек меня с такой силой, что едва не сбил с ног. В панике я помчалась наверх, перескакивая через ступеньку.

Выбравшись из подвала, я направилась сквозь толпу гостей на кухню, по дороге стараясь успокоить дыхание. Скотт стоял там у островка и шептался с Кристин Миллер, своей приятельницей. Что-то в их разговоре заставило меня остановиться и усилить слух.

– А она не знает? – спросила Кристин.

– Пока нет, так что держи язык за зубами, – сказал Скотт. Кристин засмеялась – она была известной сплетницей.

– Как же она разозлится!

– А вот и нет. Может, еще и спасибо мне скажет.

Стоя на прежнем месте, я вернула слух в обычное состояние. Интересно, о чем это они? Может быть, здесь его бывшая подруга, которая разозлится, узнав, что он ухаживает за мной? Но с чего бы тогда Скотту считать, что она скажет ему спасибо?

В толпе мелькнула курчавая голова Джея – он подскочил ко мне, крепко обнял и на секунду приподнял. Я была рада его видеть.

– Ты ни за что не поверишь, – проговорил он, чуть не задыхаясь. – Я только что говорил с парнем, который сегодня был на концерте «Греховодников», и он говорит, группа едет сюда!

Что? Мое сердце с силой стукнулось о грудную клетку. Я ведь почти забыла о барабанщике со странной звездочкой. Или, может быть, заблокировала воспоминание о встрече с ним.

– Сюда? – переспросила я. – Сегодня? Почему?

– Потому что это лучшая вечеринка всех времен! На ней типа народ отовсюду, и все о ней знают!

– И все-таки не стоит тебе слишком на это надеяться.

Интересно, кому я это говорю – ему или себе самой?

Появился Скотт – он шел в сторону подвала, неся высоко над головой два стаканчика. Я стала кричать ему, прыгать и махать руками, он заметил и двинулся к нам. Его взгляд скользнул с меня на Джея, лоб наморщился. Подойдя, Скотт подал мне стаканчик.

– Спасибо, – сказала я.

Джей и Скотт кивнули друг другу.

– Что у тебя слышно? – Вопрос Джея прозвучал довольно прохладно.

– Да ничего особенного. А у тебя?

– У меня тоже.

Наступила тяжелая пауза. Надо же – я никогда раньше не замечала, что отношения между Джеем и Скоттом примерно такие же теплые и пушистые, как облезлая кошка. Но я ведь и не оказывалась с ними обоими в такой ситуации. Их ауры от злости сделались густо-серыми и злобно-колючими. Скотт сделал большой глоток из своего стаканчика, а я заглянула в свой. Там было что-то красновато-оранжевое.

– Что это вы пьете, ребята? – спросил Джей, пожирая глазами мой стаканчик.

– Я пиво. А для Анны смешал несколько соков. Никакого алкоголя. Так что, Анна, – Скотт обернулся ко мне, – ты готова спускаться?

У меня упало сердце.

– Понимаешь, – ответила я, – на самом деле я вернулась наверх, потому что сидячие места почти все заняты, а еще там курят какие-то сомнительные типы.

У Скотта вытянулась физиономия.

– Джей! – Мы все трое дружно обернулись на звонкий голос Кейлы, которая мчалась к нам. Она подлетела к Джею и прыгнула в его объятия. Джей рассмеялся:

– Ух ты! Что стряслось?

– По-моему, подъехала машина с той группой, про которую ты говорил.

– Ха! – Джей выпустил Кейлу, повернулся ко мне и скорчил смешную рожицу, высунув при этом язык. – Ну что, ненавистница, кто был прав?

Они взялись за руки и ушли, а мое сердце припустилось вскачь. С чего бы? У меня ведь нет желания снова увидеть Каидана Роува, так? Так. Кроме того, впервые в жизни мальчик проявляет ко мне интерес, и мне он тоже нравится.

У меня вдруг пересохло в горле, и я сделала большой глоток коктейля, который приготовил Скотт. Что за вкус! Кислый, терпкий, сладкий... и что-то еще – что? Я глотнула еще раз, принялась. Жгучего запаха спирта не было.

Третий долгий глоток – и тут я втянулась. При этом я осознавала, что в напиток что-то добавлено, но не могла – нет, *не хотела* – остановиться. Я ожидала, что запаникую, но вместо этого почувствовала, что успокаиваюсь. В конце концов, это очень даже неплохая вечеринка, а если на нее только что появился самый пассивно-агрессивный, грубый и распутный парень во всей Джорджии, так я же не обязана с ним разговаривать.

– Что это за группа, о которой говорил Джей? – спросил Скотт.

– «Греховодники», его любимая.

– Гм. Никогда о такой не слышал.

К нам, перешептываясь и хихикая, подошли Кристин Миллер и Вероника из моей испанской группы. Они носили одинаковую стрижку – сзади короткую, а впереди пряди длиной до подбородка, – и у обеих были каштановые волосы, но у Вероники более темные, почти черные, с новыми короткими красными прядями. Вероника успела сильно опьянеть, ее цветная аура совсем затуманилась. Она обвила руками мою шею и испустила глупо-счастливый вопль. Язык у нее заплетался.

– Можно тебе просто сказать одну вещь, девочка? Ты самое чудесное маленькое существо всех времен! Я так рада, что ты здесь!

В нормальном состоянии я бы спросила себя, не издевается ли она, но в тот момент чувствовала себя так легко и жизнерадостно, что со спокойной душой приняла пьяные комплименты, и они мне даже понравились.

– Спасибо! – закричала я в ответ. – И кстати, у тебя чудесные красные пряди.

Глаза Вероники засияли.

– Боже мой! Тогда отныне ты моя лучшая подруга навек. Пошли танцевать!

Кристин вылупила на нас глаза.

– погоди, – сказал Скотт. – Допей из своего стаканчика, чтобы не пролить содержимое на пол во время танца.

Отличная идея. Я выпила всё до последней капли и вручила пустой стаканчик Скотту.

– Пошли! Обожаю эту песню! – Вероника потянула меня за руку, и я позволила ей меня увести.

– Идем с нами, – уже на ходу крикнула я Скотту через плечо. Они с Кристин пошли следом, и мы все вчетвером добрались до комнаты, где был устроен танцпол. Там гремела музыка, и от мощных басовых нот дребезжали оконные стекла.

Ограничители, державшие меня, осыпались, словно детские кубики. Тут Вероника завопила – у-у-у-у, – и я, вскинув руки в воздух, подхватила клич. В голове все расплылось, я больше не различала цвета окружающих, и это казалось освобождением. Облачка были видны по-прежнему, но воспринимались моим мозгом как продолжения людей. В тот момент ничто не могло меня потревожить. Мне было безразлично, увижу ли я сейчас Каидана Роува, – даже он не смог бы испортить мне настроение.

Мы с Вероникой танцевали. Это было полнейшее и совершеннейшее счастье. Все вели себя любезно и совсем не обижались, когда я на них натыкалась. Восхитительно было ощущать рядом тепло человеческих тел. Я закрыла глаза и позволила бедрам двигаться в ритме музыки, наслаждаясь каждым соприкосновением.

Рядом с нами Кристин тихо разговаривала со Скоттом. До меня донеслись слова:

– Что, уже действует?

– Заткнись, черт побери! – прошипел Скотт.

Вероника поднесла к губам свой стаканчик, но тут на нее кто-то налетел и выбил его из ее рук.

– Тьфу! – сказала она, и мы обе, хохоча, повалились друг на друга. Смех у меня звучал как-то неправильно – легче и тише обычного, как будто я слишком спокойна, чтобы рассмеяться звонко и от души. Я заметила, какая мягкая у Вероники рубашка, и потерла ткань между пальцами.

– Ого, девочка, – сказала Вероника, – действует!

– Этот напиток? А что там было? – с любопытством спросила я.

– Немножко измельченного экса. Не злись слишком сильно на Скотта. Тебе так повезло! Я бы тоже сегодня не отказалась, но папаша не дает мне денег.

А я и не злилась, совсем наоборот. Скотт угадал – мне действительно хотелось сказать ему спасибо. Я откинула назад голову, погружившись в ощущение. Я находилась под действием наркотика – вот что было важно! Как будто меня нашел и завернул в уютное одеяло давно потерянный друг. Хотелось, чтобы это длилось вечно.

Где-то на задворках моего сознания копошилось смутное недовольство, но я его игнорировала. И тут оказалось, что мне ни на чем не удастся сосредоточиться, кроме ощущения, что мне в рот как будто затолкали носок. Я завопила:

– У меня пересохло во рту! И зубы стучат!

– Пошли, возьмем тебе воды и жвачки, это должно помочь. Мне тоже надо еще выпить.

Вероника снова потащила меня за руку сквозь толпу. Я ступала как по зыбкому облаку, вокруг все плыло. Мы протолкались на кухню, тут она повернулась ко мне и закричала:

– Что за крутой парень! Кто бы это мог быть? Ты его видела?

– Кого?

Я стала оглядываться.

– Там, в холле. Приветик! Мы же проходили мимо него, и он смотрел прямо на тебя!

Я посмотрела в направлении холла, но там было слишком много народу.

– Не знаю. – Я пожала плечами. – Не видела. Какое счастье, что мы с тобой подруги!

– Ой, ты такая милая. Даже поверить не могу, что мы никогда раньше не тусовались вместе. – Вероника положила мне в рот кусочек жвачки. Я принялась бешено работать челюстями, которые двигались помимо моей воли, а Вероника стала наливать себе и расплескала жидкость по всему столу.

Кто-то тронул меня за плечо. Я повернулась, – движения были замедленными, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы узнать лицо.

– Джей! – Я положила руки ему на плечи, поглядела на него и уткнулась в него головой.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Мне так хорошо. – Я пыталась говорить нормально, но совершенно не узнавала собственного голоса с откуда-то взявшимся придыханием. Я потерла ладонями узор на его футболке. – Ты лучший из друзей, Джей. Я тебя люблю.

– Ты пьяна?!

Ох-хо-хо. Он расстроился. Нет, не надо, ведь все чудесно. Все в лучшем виде. И Джею тоже должно быть хорошо.

– Она тащится, – сказала Вероника, наманикюренными пальцами отправляя в рот горсть арахиса.

Джей посмотрел на меня большими глазами, потом сбросил мои руки со своих плеч и отступил на шаг назад.

– Анна, какого дьявола?

– Джей, пожалуйста. Прошу тебя, не сердись. – Я потянулась обнять его, но он отвел мои руки и с каменным лицом произнес:

– Тебе не кажется, что это немножечко по-ханжески?

Я лишь смотрела на него, как олененок, попавший в лучи фар. До сих пор Джей ни разу не повышал на меня голоса.

– Значит, так: забудь, что ты это видела.

Он протянул руку между Вероникой и мной, схватил наполовину выпитую бутылку с чем-то прозрачным и исчез в окружавшей нас сутолоке, оставив меня с неприятным ощущением пустоты. Я внутренне поблагодарила Скотта, когда он подошел к нам и заполнил эту пустоту собой. Сегодня вечером мне не хотелось никаких пустот.

– Ты пропустил момент, – сказала ему Вероника. – Тут только что был Джей и поломал нам весь кайф. А ты знаешь, что мы с Анной теперь лучшие подруги?

Скотт посмотрел на меня нерешительно, но когда я ему улыбнулась, приобнял меня за талию и притянул к себе. Слова Джея уже прошли сквозь меня и испарились. В раю не место такой безобразной вещи, как гнев.

– Послушай, – голос Скотта таял у меня в ушах, как масло. – Вероника, извини, но я собираюсь похитить твою лучшую подругу.

– Вы оба, ведите себя хорошо. – Вероника подмигнула нам.

Я повернулась к ней, и мы обнялись так, как будто больше никогда не увидимся, а потом мы вдвоем со Скоттом, петляя, пробрались сквозь веселую толпу к деревянной лестнице, поднялись по ней, пересекли холл второго этажа и оказались в небольшой комнате.

Когда мы закрыли за собой дверь, внезапная тишина показалась оглушительной. Скотт подвел меня к предмету мебели, выглядевшему как кровать для гостей, и уселся на него.

Поскольку сел он, я села тоже. Он откинулся на локтях, и я последовала его примеру. Он повернулся и привлек меня к себе. Я опустила локти, легла на спину и не двигалась. Скотт спросил:

– Ты сердишься на меня?

Я покачала головой.

– Все такое мягкое на ощупь. – Я ласково провела пальцами по своим джинсам. Даже грубая джинсовая ткань казалась мне шелковистой.

– А когда я под эksom, – отозвался Скотт, – мне хочется, чтобы все были голые. Прямо как Адам и Ева.

– Точно, – в тот момент идея представлялась мне осмысленной и интересной. – Совершенно естественные и счастливые.

Мы улыбнулись друг другу.

– Знаешь, когда ты мне понравилась? В прошлом году, после соревнований на первенство штата, мне еще ухо сломали – помнишь?

Я успела подзабыть, но тут вспомнила: Скотт получил травму в борцовском поединке, ходил с огромным раздувшимся ухом и очень стеснялся. А его тогдашняя девочка решила, что он теперь некрасивый, и дала ему отставку.

– Ты была такая хорошая, – Скотт положил руку мне на живот и начал поглаживать талию, – не пялилась на это ухо, как остальные. Знаешь, Анна, ты ведь очень легко можешь стать и более – как бы это сказать, – популярной, что ли? Я видел в спортзале, как ты играешь в волейбол и в софтбол, – здорово играешь. И если бы ты занялась спортом, по-другому оделась, и вообще... То есть ты симпатичная, а стала бы типа классная. Понимаешь?

Я помолчала секунду – какая-то часть моего мозга обдумывала, не следует ли обидеться, но толстое одеяло умиротворения, струившегося в моей крови, оказалось сильнее.

– Скотт, извини, конечно, но даже если бы у меня были деньги, такие вещи меня не волнуют. Я хочу, чтобы меня любили такой, какая я есть. И ты ведь хотел бы того же для себя, разве не так?

Я потянулась погладить его по лицу, но он удержал мою руку.

– Ты много целовалась с мальчиками?

– Ни разу, – призналась я.

– Даже с Джем?

– И с ним тоже нет. Он для меня как брат.

Тут я подумала о Джем: что с ним случилось? Мне было грустно, но никак не удавалось сообразить, в чем тут дело.

– Сколько оно будет продолжаться? – спросила я. – Это состояние?

– Часа четыре. А потом пару часов приходишь в себя.

Приходить в себя? Какой ужас! Интересно, удастся ли уговорить Скотта дать мне еще?

– Анна!

– Что?

Я не без труда сфокусировала на нем взгляд.

– Давай я стану первым, кого ты поцелуешь!

– Давай, – прошептала я в ответ.

Но не успел он привлечь меня к себе, как дверь рывком распахнулась и в комнату ворвался оглушительный шум вечеринки. Мы оба сели, и я обнаружила, что смотрю прямо в темно-голубые глаза Каидана Роува.

– Что за... – начал было Скотт.

– А-а, вот ты где, дорогая! Пойдем-ка.

Каидан смотрел на меня и ждал, чтобы я подошла. А я сидела неподвижно, в полном ошеломлении.

– Ты в состоянии ходить, или тебя придется нести на руках? – спросил Каидан.

– Что ты делаешь, парень? – заорал Скотт.

– Мне надо переговорить с Анной. – Говоря это, Каидан глядел не на него, а по-прежнему на меня.

Он запомнил, как меня зовут! А как чудесно звучал его голос, произносящий мое имя! Мы со Скоттом повернулись друг к другу. Мне ни на секунду не пришло в голову, что можно отказаться идти с Каиданом, – он был самой волнующей частью всего этого сна наяву.

– Я вернусь, – сказала я, вставая.

– На самом деле я бы на это не рассчитывал, – заметил Каидан. Он сделал шаг ко мне, взял меня за руку и выволок из комнаты. Сколько же раз за сегодняшний вечер меня тащили куда-нибудь за руку? Я стала подсчитывать, в это время Каидан с грохотом захлопнул дверь позади нас – Скотт еще успел крикнуть нам вслед «Эй!».

Глава пятая

Аналогично

Каидан крепко держал мою руку, и я наслаждалась чудесным ощущением соприкосновения наших тел. Не помню, как мы выходили из дома и спускались к пристани, но когда остановились, я поняла, что перед нами – вход в лодочный сарай. Каидан постучал кулаком по дверному косяку и властно произнес:

– А ну-ка все быстро отсюда.

– Мы первые пришли, – попытался возразить изнутри какой-то парень.

– С концами, – голос Каидана прозвучал угрожающе спокойно.

Шесть фигур проскользнули мимо нас, слабо пытаясь что-то возразить, и направились обратно в дом. Когда они исчезли, Каидан, против моего ожидания, не стал заходить в сарай, а прошел к концу пристани и уселся там. Я села рядом, свесив ноги – они чуть-чуть не доставали до воды, – и стала рассматривать его коричневую футболку с нарисованным на ней золотым драконом. Рисунок спускался с плеча и наискосок пересекал грудь. Сама футболка была как раз такого размера, чтобы подчеркивать хорошо развитую мускулатуру. А потом я перевела глаза на его лицо и поразилась тому, как пристально он глядит на меня. Мою кожу легко, как перышко, тронул прохладный ветерок.

У меня стучали зубы, но я не знала, от экса или от холода.

– Ты кто? – Каидан снова задал мне тот же вопрос, что и при первой встрече.

– Я не знаю, что отвечать.

Внезапно во мне что-то блеснуло, и туманно-дремотное состояние дало трещину. У меня перехватило дыхание.

– Что это было? – спросил он.

Вспышка повторилась, причем на этот раз она была более долгой. Через трещину в меня неумолимо просачивалась реальность, а с ней – неуверенность и беспокойство.

– По-моему... Такое чувство, что оно перестает действовать. Но он же говорил – четыре часа!

Я больше не могла сидеть и вскочила в панике. Меня трясло. Каидан тоже встал и приподнял мою голову за подбородок, так, чтобы я смотрела прямо на него.

– Ты когда-нибудь болела? – спросил он, глядя мне в глаза.

– Болела? – Я ничего не соображала.

– Гриппом? Ангиной? Чем угодно?

Новая судорога вытолкнула меня еще дальше в реальный мир, и я согнулась пополам, уперев руки в колени.

– Может быть, тебе поможет эта конфеточка?

Он показал мне маленькую белую таблетку. *Да!* Я попыталась выхватить ее, но Каидан был быстрее.

– Сначала ответь мне на все вопросы. Какие-либо заболевания в течение жизни?

– Нет.

– С какого возраста ты себя помнишь?

На этом вопросе я перестала дрожать. Мы пристально смотрели друг на друга. Он никак не мог об этом знать – это была моя самая большая тайна.

Он придвинулся ближе, как в тот вечер, когда мы встретились впервые, и понизил голос:

– Отвечай на вопрос.

Я перевела взгляд на его рот, на красиво очерченные губы и на секунду позабыла о таблетке. Прочистила горло и прошептала:

– Хорошо. С самого начала. Помню, как родилась, и даже до того. Удовлетворен?

Он серьезно кивнул. Невероятно, но мое признание ничуть его не удивило. Я посмотрела на его опущенную руку, сжатую в кулак. Там внутри лежало мое бегство от реальности.

– Теперь переходим к важному. Кто твой отец?

– Я... я не знаю. Меня усыновили.

– Чушь. Ты наверняка что-то помнишь. – Он поднял руку и протянул ее над водой.

– Да! Когда я родилась, там был один мужчина, Джонатан Лагре. Я всегда считала, что это и есть мой отец, но ни разу даже не разговаривала с ним. Пожалуйста! Я ничего о нем не знаю. Он в тюрьме.

Я не сводила глаз с руки Каидана, – она вновь опустилась в безопасное положение.

– Да, разумеется. – Теперь он смотрел на меня иначе. – Я должен был догадаться по тому, как ты сегодня себя вела.

Мои мысли путались, и мне было неважно, что он имеет в виду. Меня уже всю трясло от безумного желания заполучить таблетку. Во что бы то ни стало – побыть еще в том мире, не возвращаться из него.

– Таблеточку, – сказала я умоляющим голосом.

– Эту? – Каидан поднял таблетку, мои глаза расширились. – Извини, дорогая, всего лишь аспирин. – И он, к моему ужасу, беспечно швырнул таблетку в озеро. С легким плеском она скрылась под водой.

– Нет! – закричала я. Он утихомирил меня, крепко взяв за руки выше локтя.

– Как давно ты приняла наркотик?

– Что? Не знаю. Наверное, полчаса – нет, сорок минут назад?

– В таком случае он уже совсем скоро полностью выйдет из твоего организма, и ты вернешься в нормальное состояние. Просто посиди тут и успокойся.

Он выпустил мои руки, я села, уткнув лоб в колени, и принялась раскачиваться взад-вперед, чтобы унять дрожь. Как жестоко он обманул меня с этой таблеткой! Я никогда ничего не желала сильнее с того давнего случая с болеутоляющим.

Моя кожа снова ощутила дуновение ветерка, а до ушей донесся плеск крохотных волн, накатывающихся на скалистый берег. Еще через две минуты туман, наполнявший мою голову, приподнялся, и на меня обрушилась очевидная неприглядность произошедшего.

Мне не следовало ходить на эту дурацкую вечеринку. Узнав, что родители Джина уехали, я должна была уйти в ту же секунду. Неужели Скотт правда не видел ничего плохого в том, чтобы дать мне экстази? Я никак не могла в это поверить. Почему я влюбилась в экс, откуда эта тяга к нему – прямо-таки род сумасшествия? Ох, у меня ведь чуть не случился первый поцелуй под наркотиком!

Я подняла глаза, увидела, что Каидан опять сидит на краю причала, глядя на воду, и поняла, что означали его вопросы. Он что-то обо мне знает. Я пододвинулась к нему, и осторожно спросила, боясь все испортить чрезмерной настойчивостью:

– Почему эффект наступил и прошел так быстро?

– Наши тела отвергают всё чужеродное.

Наши?

– Микробы, раковые клетки, любые расстройства – ничто не удерживается. Наркотики и алкоголь сгорают так быстро, что игра не стоит свеч. Я как-то попробовал курить – несколько дней кашлял черной смолой.

– Заманчиво, – заметила я.

– Точно. Такой уж я заманчивый. – Он невесело рассмеялся.

– Так значит... – я отчаянно боялась его спугнуть, – ты такой же, как я?

– Кажется, да и нет.

И тут я кое-что заметила. Наверняка это бросилось бы мне в глаза раньше, не будь сознание затуманено эксом.

– Почему рядом с тобой нет такой облачной штучки?

Он повернулся и изумленно на меня поглядел.

– Облачной штучки? Ты это всерьез?

– Но ты ведь знаешь, о чем я говорю? Верно?

Вместо ответа он поднялся, посмотрел в сторону дома и, нахмурившись, спросил:

– Твои чувства уже пришли в норму?

Я знала, что Каидан имеет в виду особые чувства, и подивилась тому, как обыденно он об этом говорит.

– По-моему, да.

– В доме драка. Я думаю, тебе стоит прислушаться.

Я тоже встала и протянула свой слух к дому. Сделать это оказалось труднее, чем обычно, и времени ушло больше, но в конце концов я пробилась внутрь. Вопли. Суматоха. Звуки ударов и падения тел. Звон разбитого стекла, девчачий визг, кто-то пытается разнять драчунов и называет их по имени.

– Господи, Скотт и Джей! – не тратя лишних секунд на фокусирование ночного зрения, я сорвалась с места и понеслась с такой скоростью, с какой только могла переставлять ноги по шатким доскам причала. Каким-то образом мне удалось не споткнуться и не упасть.

Я распахнула заднюю дверь и, энергично работая локтями, добралась до комнаты, где был танцпол, – в тот момент трое здоровенных футболистов выволакивали из нее Джея. Джей отчаянно отбивался и ругался такими словами, каких я от него в жизни не слышала. Я остановилась в проходе и огляделась. Одно из окон разбито вдребезги, какие-то девочки плачут, музыка и танцы остановились, и все смотрят на Скотта, который держится за разбитый в кровь нос. На руке тоже кровь, рубашка порвана от ворота до пупа и, опять-таки, забрызгана кровью. Но, похоже, он несколько протрезвел, потому что шестое чувство показывает мне его ауру, неустойчивую и темную – страх.

Спотыкаясь, подошел Джин. Он был без рубашки и, судя по растрепанным волосам его девочки, они коротали время на одном из диванов в подвале.

– Эх, ты! Родители теперь меня *убьют!*

– Отвратительная вечеринка, – прошептал кто-то в толпе.

– Джин, – Скотт говорил плаксиво и в нос. – Джей свихнулся! Этот паразит ни с того ни с сего налетел на меня, стукнул со всего размаху, а потом швырнул на окно. По-моему, он сломал мне нос.

– Черт! – Джин положил обе руки себе на голову и принялся качать головой взад-вперед.

Снаружи послышались вопли и удары ног – это Джей сделал новую попытку вырваться. Три силача схватили его крепче и прикрикнули на него, чтобы успокоился и не трепыхался. Я пробежала в дверь, потом вниз по ступенькам галереи и бросилась к нему.

– Джей?

Джей поднял глаза – дикие и незнакомые. Его щеки пылали, рот скривился в оскале, и он тяжело дышал сквозь зубы. Два парня держали его за руки, третий обхватил сзади за грудь. Он смотрел на меня, не отрываясь, и постепенно яростный взгляд смягчился, а хриплое дыхание превратилось в жалобное всхлипывание.

– Анна, он тебя обмешал... запоил...

Я знала, что он пытается объяснить, и кивнула футболистам:

– Спасибо, ребята, порядок. Сейчас отвезу его домой.

Футболисты отпустили Джея, он проковылял три шага назад и свалился в куст. Утром покорябанные места будут болеть. Я кинулась к нему, а самый рослый из парней – по-моему, его звали Фредерик, и он был выпускником этого года, – сказал:

– Дайте-ка я помогу вам дойти до машины.

Два других футболиста отправились в дом, а мы с Фредериком с двух сторон подставили Джею плечи. Так как Фредерик – в команде он играл полузащитником – был выше и меня, и Джея, мой приятель просто повис на нем, а я вообще не ощущала тяжести. Мы побрели в темноте к машине, а позади нас снова заиграла музыка, и возобновилось веселье.

Я оглянулась на дом и усилила зрение, пытаюсь увидеть где-нибудь Каидана Роува. Никаких признаков. А у меня было так много вопросов к нему. Самое главное – почему мы такие? Что мы такое? *Мы*. Господи, сама мысль о том, что на свете есть кто-то еще, такой же, как я, пронзала мое тело стрелой безумной энергии. Мне требовалось увидеть Каидана. Как можно скорее.

Когда мы добрались до машины, я выудила из кармана Джея ключи и сотовый телефон, откинула пассажирское сиденье в горизонтальное положение и отошла в сторону, после чего Фредерик уложил туда Джея. Я поблагодарила его за помощь, и он тоже ушел на вечеринку. Джей был в полной отключке. Я подумала, что могла бы вернуться поискать Каидана. Но нет – что, если Джей очнется? Кроме того, мне не стоило присутствовать при разворачивающемся скандале.

Поэтому я никуда не пошла, а вместо того протянула слух в направлении дома – от грохота у меня исказилось лицо – и произнесла в пространство:

– Я не договорила с тобой, Каидан Роув.

И откуда-то из кухни мне ответил голос с единственным на весь мир акцентом:

– Аналогично.

Ночь была теплая, но меня пробрал озноб.

Я залезла в машину, настроила под себя водительское сиденье и с телефона Джея позвонила Яне. Оказалось, она на своей вечеринке. Яна окончила школу год назад и училась в колледже, но продолжала жить дома, а на занятия ездить. Узнав, что младший брат сейчас не в состоянии самостоятельно войти в дом, она ругнулась и все же пообещала встретить. Ее помощь давала шанс справиться, не разбудив родителей.

Вот уж влипли так влипли!

Я сильно нервничала, ведя машину по извилистой дороге среди непроглядно темного леса, хотя и пользовалась ночным зрением. Свет фар то и дело отражался в глазах мелких зверьков; некоторые выскакивали на дорогу – тогда я ударяла по тормозам.

Наконец лес остался позади, и мы оказались на магистрали. Только тут я позволила себе думать обо всем, что случилось вечером, и чем больше думала о поступке Скотта, тем сильнее расстраивалась. Мне понравилось – из-за этого я сама себе была противна. А со Скоттом придется серьезно поговорить. Не люблю ни с кем ссориться, но такие вещи не должны сходить с рук. Хорошо хоть, что учебный год закончился и на ближайшую пару месяцев я избавлена от встреч с этой компанией.

Но всю мою злость на Скотта и смущение по поводу собственного поведения совершенно затмила беседа с Каиданом. При одной только мысли о нем сердце сразу начинало биться учащенно. Я никак не могла поверить – Каидан действительно такой же, как я! Но что именно мы собой представляем? Он наверняка знает. Как бы мне хотелось, чтобы мы проговорили дольше! Интересно, как с ним можно встретиться?

Допустим, я пойду на следующий концерт «Греховодников», напишу свой телефон на трусиках и кину их ему на сцену. От этой мысли я громко расхохоталась. Скорее всего, он взглянет разок на белую хлопчатобумажную полоску и отправит ее в мусор.

Джей зашевелился. Он пытался что-то сказать, но язык его не слушался.

– Что, Джей? – Я говорила с интонацией, которую использую, когда нужно кого-нибудь успокоить.

– Меня сейчас вырвет!

Ох! Я съехала на обочину и, перегнувшись через Джея, стала открывать дверцу, которую, как всегда, заело. К счастью, она все-таки успела открыться вовремя.

Потом нам пришлось еще раз остановиться. Бедняга Джей. Закрыв дверцу, он прислонился лбом к стеклу, и я растерла ему спину. Сверх этого я мало что могла сделать. Когда мы въехали в его квартал, он начал всхлипывать. Я сказала:

– Все хорошо.

– Нет, не хорошо, – всхлипывание превратилось в мучительный стон. – Я не хочу быть как дедушка Лен.

– Как кто? О ком ты?

Джей не ответил, и вообще больше ничего связного после этого не сказал. Вскоре я увидела Яну – она стояла на краю тротуара, скрестив руки, и ее вид не сулил ничего хорошего. Ох и не хотелось бы мне завтра утром оказаться на месте Джея, причем сразу по многим причинам. Яна, суровый гот, не принимала отговорок.

Вдвоем мы довели его до кровати и помогли улечься – родители, как мы и надеялись, не проснулись, – а потом Яна повезла меня домой.

– Что это на него нашло, что он так упился? – спросила она.

– Вечеринка получилось слишком уж веселой.

– Постой, так это та, которая на озере? Даже я сегодня о ней слышала. Похоже, там все с ума посходили.

– Так и было.

Несколько минут мы молчали, потом я спросила:

– Кто такой дедушка Лен?

– А? Джей его упомянул? Да, это папа нашей мамы, буйный алкоголик. Хотя, если послушать маму, в трезвом состоянии дедушка был добрейшим человеком. Она в нем души не чаяла, и все остальные тоже. Но потом он напивался, и его словно подменяли злым близнецом. Изувечил кучу народу. Бился со своими личными демонами и в конце концов проиграл.

Глава шестая

Из темных дней

На следующее утро в девять, когда я пила какао на нашем балконе, было уже влажно и жарко. Стояло полное безветрие, с ближнего пастбища несло коровьим навозом. Патти вышла на балкон со своим кофе, принялась и сморщила нос. Она развернула газету, я раскрыла книжку. Мне никак не удавалось сосредоточиться – слишком уж много всего произошло вчера на вечеринке.

Я не любила думать о дне, в который родилась. Причина состояла отчасти в том, что иметь такие ранние воспоминания неестественно, отчасти – в том, что смысл происходивших тогда событий не был мне понятен. Я не знала, какие чувства они должны у меня вызывать, и не хотела испытывать неправильные чувства, если такое вообще возможно. Но теперь, когда Каидан скovyрнул болячку, из нее снова пошла кровь, и ее нужно лечить.

Время до рождения я про себя называла «темными днями». Не потому, что там было что-то плохое, а потому, что в материнской утробе темно. Как будто лежишь ночью в теплом гамаке. Сильнее всего запомнился голос матери. Ее пение было первым, что я услышала. А когда я пробовала двигаться и наталкивалась на мягко-упругое сопротивление, она со смехом толкала меня в ответ, и я подпрыгивала. Голос Джонатана Лагре в темные дни тоже звучал, он был грубым и сиплым.

Рождение меня дезориентировало – слишком светло, слишком холодно, – но хуже всего было чувство, что я потеряла какое-то важное знание, что-то, что в темные дни было для меня совершенно очевидным.

Мои затуманенные младенческие глаза видели еще довольно плохо, но память в тот день запечатлела устремленный на меня взгляд мужчины, а в нем – какое-то знание, которого мне сейчас не хватало.

Просто скажи «нет» наркотикам, детка. Справишься?

Я не знала, серьезно ли говорил этот мрачный человек или иронизировал. И с тех пор я его больше не видела.

Я могла вспомнить монахиню, морщинистую старуху, пахнущую лавандой, чистотой и спокойствием. И Патти, как она стояла надо мной в день, когда пришла меня забирать, и ее волосы, окаймляющие лицо. Она чуть не разорвалась от любви, принимая меня в протянутые руки, словно какую-то хрупкую драгоценность.

Вот этой частью ранних воспоминаний – мгновением встречи с Патти – я дорожила, потому что здесь мне все было понятно.

Сейчас я наблюдала, как Патти перелистывает газету и хмыкает про себя. Среди редких сосен на холме показался поезд. Я сказала:

– Я встретила мальчика, такого же, как я.

Поезд дал свисток. Газета вывалилась из рук Патти и с шелестом упала на пол, а я застыла, ошеломленная. Вокруг Патти вздымалась черная туча эмоций.

– Патти? – прошептала я.

– Кто это был? – В ее голосе слышалась паника, и это меня испугало. Она ухватилась за край пластикового столика, так, как если бы ей требовалось восстановить равновесие.

– Н-н-н-а самом деле я его толком не знаю, – я начала заикаться, – м-м-мы поговорили немного вчера вечером.

– Держись от него подальше!

Чтобы подчеркнуть важность своих слов, Патти показала на меня пальцем и посмотрела огромными глазами.

Пока мы так глядели друг на друга, внутри квартиры зазвонил телефон. Звонок повторился.

– Возьми трубку, – сказала Патти. – Мне нужно подумать.

Я вскочила, побежала внутрь и ответила после третьего звонка.

– Слушаю!

– Привет! – Голос в трубке звучал слабо и сипло.

– Джей? У тебя ужасный голос!

Я присела к кухонному столу и поглядела на Патти на балконе. Она сидела в застывшей позе, закрыв глаза и все еще сжимая край столика.

– Я и чувствую себя ужасно, – ответил Джей. – Скажи, ты меня сильно ненавидишь?

– Что за глупости, Джей. Я просто беспокоюсь о тебе. Тебе очень плохо?

– Так, как будто по мне проехался тяжелый грузовик. Я не все помню, но того, что я помню, хватает. Я осёл.

– Нам повезло, что Яна помогла.

– Я за это заплатил. Она подняла меня в семь и заставила приготовить ей завтрак перед уходом на работу. И обрати внимание, не какие-нибудь хлопья, а яичницу с беконом и все такое прочее! А я стоять толком не мог.

Я подавила смешок, представив себе эту картину, и спросила:

– Что ты помнишь?

– Я разозлился на тебя, потому что решил, что ты под наркотиком, и приложился к бутылке джина. Ох. Я даже думать об этом не могу – сразу нехорошо делается. Потом все стали подходить ко мне и спрашивать, слышал ли я, что это Скотт подсунул тебе наркотик, а дальше я помню урывками. В основном как метался по дому, чтобы его найти. Совершенно точно сбил с ног несколько человек. Ох! Даже не верится – неужели я правда до такой степени одурел?

– Это все, что ты помнишь?

– Да. А что? Я что-то еще натворил?

Я осмотрелась, увидела, что Патти встала и смотрит на деревья, скрестив руки на груди, и понизила голос:

– Там случился небольшой инцидент с тобой, Скоттом и одним из окон.

– Ох, нет. Ты серьезно? Все целы? А окно – разбилось?

– Да, разбилось, а люди все целы. Скотт получил несколько порезов, возможно, у него также сломан нос, но большее всего ты задел его самолюбие. Разве у тебя не болят костяшки пальцев?

– У меня все болит. Ой-ой-ой. Прощайте, сбережения на лето. Надо позвонить Джину и договориться, чтобы окно починили, пока его семейство не вернулось. Но скажи, это правда – насчет наркотиков? Ты ведь явно была не в себе, когда я тебя увидел.

Я ответила не сразу. Мне снова хотелось соврать.

– В моем напитке был экстази, и когда ты меня увидел, он уже действовал. Но полный эффект почему-то не наступил.

Джей издал долгий свирепый рык, похожий на раскат грома.

– Послушай. Я прошу тебя это пока отложить. Пожалуйста. Спасибо тебе, что вступился за меня, но не преследуй его. Я сама разберусь с этим делом, когда придет время. Ладно?

– Ладно, – пробурчал Джей. Звучало это очень неубедительно – он просто хотел меня успокоить. Но я все равно сказала:

– Спасибо.

– Погоди еще минутку. А что у тебя было с Каиданом? Когда я услышал про наркотик, то первым делом бросился искать тебя, но мне сказали, что ты ушла с ним.

У меня затряслись поджилки, и я снова поглядела в сторону Патти. Она глубоко погрузилась в размышления. Я перешла на шепот:

– Ничего не было. Мы сидели на пристани и разговаривали. Оказалось, он меня запомнил.

– А о чем разговаривали? Тебя совсем не слышно. Что тут, Патти рядом или что-то еще?

– Да, извини. Даже и не знаю – о наркотиках, о родителях. Вообще поддерживать беседу с Каиданом – очень непростое дело.

– Вы двое диаметрально противоположны друг другу, но это, может быть, и хорошо. Тебе с ним наверняка интересно.

– Ну, пожалуйста, – на секунду я забыла, что надо говорить тихо. – Все совсем не так, я не могу объяснить.

– Он тебе понравился?

– Он... он меня заинтриговал, – призналась я.

– Замечательно, – Джей явно обрадовался. – Отличное начало.

Начало чего? Я не знала, но хотела выяснить.

Глава седьмая

Кто я

Патти вела себя так странно, что я закрылась в своей комнате с книжкой. Прочитывала несколько предложений – и начинала думать о вчерашнем вечере, потом читала еще чуть-чуть – и спрашивала себя, что же такое случилось с Патти.

Обычно она не была беспокойной, а тут уже больше часа ходила взад-вперед мимо моей двери. В конце концов я не выдержала и окликнула ее:

– С тобой все в порядке?

Она робко вошла в комнату, окруженная нервной серой аурой, и присела на край моей кровати. Я скрестила ноги, чтобы освободить ей место, и приготовилась внимательно слушать.

– Анна, – Патти прочистила горло. Глаза у нее были влажные, веки покраснели. – В тот день, когда я забрала тебя из приюта... Нет, позволь, я начну совсем издалека. Потому что собираюсь говорить об очень странных вещах.

Она что-то обо мне знает! Я схватила ее за предплечье, стремясь не упустить ни единого слова.

– Патти, у меня вся жизнь – сплошные странности. Если ты что-то знаешь, пожалуйста, расскажи. Меня ничто не испугает и не...

Она выдохнула через нос и покачала головой:

– Тебя испугает *всё*. Милая моя девочка, я боюсь уже шестнадцать лет.

Я не ответила и отпустила ее руку. От вида ее лица и темно-серой ауры страха вокруг нее мое сердце забилося сильнее.

– Так вот, Анна, ты всегда была набожной, но я хочу спросить тебя, насколько ты на самом деле видишь – то есть веришь в сверхъестественное?

– В Бога? Верю...

– Знаю. А... в других духов?

– В призраков?

– Нет. Я об ангелах.

У меня побежали мурашки по шее и под волосами.

– Конечно, – медленно произнесла я. – В Писании говорится об ангелах на небесах, они поют, трубят и все такое.

– А еще об ангелах, которые приходят сюда, на землю. И о демонах тоже.

– Да, я знаю, что такие вещи случались в давние далекие времена, но разве это имеет отношение к нам?

– Как ты знаешь, – сказала Патти, – я была замужем.

Я озадаченно кивнула, не понимая, к чему она клонит. Патти поднялась и дальше говорила, расхаживая по комнате.

– Три года мы пытались зачать ребенка. Потом мой муж сходил к врачу и узнал, что проблема не в нем. Это стало для нас началом конца. Я молилась, чтобы Бог исправил мое тело и послал нам младенца, но проходил месяц за месяцем, а я не беременела. И однажды ночью мне приснился сон. То есть так я сказала мужу, а на самом деле знала, что это было в реальности.

Она остановилась и поглядела на меня. Я опять кивнула, прося ее продолжать, что бы там ни шло дальше.

– Анна, мне явился ангел и сказал, что в монастыре в Лос-Анджелесе меня ждет младенец.

Мурашки побежали у меня по позвоночнику. Патти подошла и села, положив руку мне на колено, как будто хотела меня удержать, чтобы я не убежала. И заговорила быстрее.

– На следующее утро я проснулась и рассказала все мужу, а он ответил, что я лишилась рассудка. В некотором смысле так оно и было. Я знала только одно – что должна во что бы то ни стало попасть к тебе. Я купила билет для себя одной – муж отказался со мной ехать, хотя я его очень просила. Когда я вернулась назад с тобой, то уже не застала его на месте. А спустя еще год он женился на другой. Но у меня была ты – только это и имело значение. Ты мне веришь?

– Конечно. – Но даже при этом мой мозг, как пулемет, выстреливал возражения против иррациональных идей. Я взяла руки Патти в свои, надеясь ее успокоить.

– Перед тем, как мне позволили тебя забрать, со мной побеседовала одна из монахинь, работавших в приюте. Ее звали сестра Рут, и ей на тот момент было не меньше ста лет. Никого старше нее я не встречала. По ее словам, она ждала меня и чувствовала, что я подхожу на роль твоей воспитательницы.

– Что это означало? – прошептала я.

Патти помедлила, глядя мне в лицо.

– Твое воспитание, Анна, требовало особой заботы, потому что ты больше, чем человек.

Я всегда знала, что отличаюсь от других, – почему же это звучало как совершеннейшее безумие?

– Так кто же я такая? – осторожно спросила я.

– Дитя ангелов.

Я нервно засмеялась, но оборвала себя, увидев, что Патти не улыбается.

– Твоя мать была ангелом света, а твой отец...

– Кто?

– Демон.

Усилием воли я заставила себя дышать и прошептала:

– Это невозможно. Ты же на самом деле в это не веришь, правда?

– Все, о чем предупредила меня сестра Рут, сбылось точь-в-точь. Когда тебе было три года, ты рассказала мне, что помнишь, как родилась. И все остальные события тоже произошли, одно за другим, и именно так, как она предсказывала.

– Ты *знала*?

Я была потрясена. Так вот почему Патти ни о чем меня не спрашивала! И не показывала меня врачам, когда я мучилась головными болями из-за пробуждения новых чувств, – это всегда казалось мне странным, при том, что она такая заботливая. Я думала – может быть, она не верит врачам, потому что у нее такая *особенная* девочка?

– Прости, что я не говорила тебе, – Патти запнулась. – У меня все время было ощущение, что еще не пора.

Я попыталась осмыслить все это. Должно же быть какое-то рациональное объяснение. Но разве не было у меня многолетних попыток рационально объяснить мои необычные способности? Я начала рассуждать вслух:

– Может быть, она сумасшедшая старуха, обладающая силой психического воздействия, или что-то в этом роде.

– Но как ты тогда объяснишь те сверхъестественные способности, которыми ты владеешь? Она говорила, что когда подрастешь, начнешь видеть и ангелов-хранителей.

Я задумалась – и вдруг меня осенило:

– Белые облачка!

– Ты их видишь?

Я выпрямилась и посмотрела на облачко Патти. Казалось, рука туманной фигуры лежит у Патти на плече. Черты были неразличимы – просто размытое пятно. Возможно ли, что это действительно ангел? Я протянула руку, и у меня на глазах облачная рука вспорхнула с плеча Патти и легла на мою ладонь. Ладонь ничего не ощутила, но пока рука лежала на ней, всю

меня наполняло невероятное чувство умиротворения и понимания. Патти пристально следила за мной.

– Видишь, Анна? – проговорила она. – Все это правда. На земле нет никого, такого же, как ты. Есть похожие, но они лишь наполовину как ты. Это важно. Посмотри на меня.

Я по-прежнему смотрела на ангела-хранителя Патти, но тут заставила себя перевести глаза на нее.

– Все, кто похож на тебя, – это дети демонов, демонов и людей. И воспитаны они демонами. То есть мальчик, которого ты встретила, – он...

Где же твой ангел? Так вот что имел в виду Каидан!

– Он полудемон, – откликнулась я шепотом.

Все это сошлось вместе, резко ударило мне в грудь и полилось сквозь меня потоком ледяной воды.

– Надо было сказать тебе раньше, – из глаз Патти покатались слезы, но я была слишком потрясена, чтобы плакать вместе с ней. – Я эгоистка. Я знала, что если скажу, то пути назад не будет. Всё навсегда переменится. А на земле так мало этих полудемонов. Какая была вероятность, что тебе встретится один из них?

– Я на тебя не сержусь, – сказала я. Когда внутри бушует столько эмоций, невозможно сосредоточиться на какой-то одной. – Просто это трудно понять. Демоны и ангелы? *Настоящие?* То есть как? Это же...

Она подошла к моему туалетному столику и взяла с него Библию, а я подала ей бумажный платок из пачки, лежавшей на тумбочке. Патти промокнула глаза, вытерла нос, затем прокашлялась, уселась и раскрыла книгу у себя на коленях. Найдя нужное место, она передала Библию мне. Бытие, глава шестая, стих четвертый. Я прочла вслух:

– В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

Я взглянула на Патти, надеясь, что она сможет что-то объяснить.

– За годы, – сказала она, – мне удалось кое-что выяснить. Сыны Божии – это ангелы, дочери человеческие – просто обычные женщины, а исполин – ребенок, рожденный от небесного ангела или от демона. Демоны ведь тоже ангелы, только падшие. Так что ты – исполинка.

Было очень странно слышать это слово применительно к себе.

– Но разве исполины – это не великаны? Как Голиаф?

– Да, в Библии это слово означает великана, но ты же знаешь, – Патти улыбнулась сквозь слезы, – как тяжело определить, что там надо понимать буквально, а что – лишь метафорически. Людям проще представить себе исполинов как расу очень рослых людей, которая была и исчезла, или как носителей некой генетической мутации. В Писании много говорится и об ангелах, и о бесах, но даже верующие склоняются к тому, чтобы считать их всех чистой фантазией. Нелегко принять в сознание такое множество невидимых вещей.

– Но я другого не понимаю – как у ангелов и демонов могут быть дети? Они же бесплотные духи, верно?

– Им для этого требуется завладеть чьим-нибудь телом.

Ой! Одержимость бесом? Да, плохо дело.

– Я расспрашивала сестру Рут, и она попробовала объяснить мне ангельскую иерархию. Есть ангелы-посланники – один из них явился ко мне, – и есть ангелы-хранители, которые избраны для служения душам и пестуют их. Они не могут вмешиваться в жизнь людей, если только им не послана особая божественная сила. Если человеку еще не пора умереть, ангел-хранитель может совершить чудо исцеления или предотвратить несчастье. В остальных случаях они лишь стараются смягчить нашу боль. Как это прекрасно, если подумать!

Патти отвела взгляд, в котором читалась легкая зависть, и я вдруг поняла, сколько времени за долгие годы она провела в таких размышлениях.

– У меня было еще множество вопросов к сестре Рут, но на них не хватило времени. – Патти дрожащими руками забрала у меня Библию и вернула на столик. – И сестра Рут сказала, что тебе надо будет отправиться к ней, как только ты станешь достаточно взрослой. Сейчас это произошло.

– Да, хорошо. Разумеется. – Мне обязательно надо было увидеть эту сестру Рут. – А она объяснила, почему?

– Она не стала мне говорить. Она обладает знанием, которым может поделиться только с тобой, и это что-то такое, что слишком опасно записывать. И еще она сказала, что ты должна повидать... – тут она закрыла глаза и с явным усилием продолжила: —...повидать своего отца.

Меня, вообще-то, нелегко разозлить, но в тот момент я рассвирепела от одной только мысли об «отце».

– Я не желаю его видеть.

– Знаю. И сестре Рут я сказала, что против. Мне самой мучительно даже думать о твоей встрече с демоном. Но я передаю тебе пожелание сестры Рут. Она считает, что твои родители любили друг друга. Все ангелы – даже падшие – способны к любви. И если твой отец был в состоянии полюбить твою мать, не сможет ли он полюбить и тебя тоже?

Я подумала о его лице в тот день, когда я родилась, вспомнила, как он глядел на умирающую мать и на ее отлетающий дух. Да, он ее любил. И в его глазах, смотревших тогда на меня, не было недоброжелательства. И все же. Ни единого слова за все эти годы...

– Но откуда монахиня все это узнала?

– Сестра Рут, как и ты, единственная в своем роде. Она отличается и от тебя, и от остальных, но не объяснила мне, в чем разница. И я чувствовала, что она особенная. В ее присутствии я испытывала умиротворение – как и в твоём. Прости, Анна, что не могу сообщить тебе больше. В тот день мне и так нужно было усвоить очень многое.

– Все хорошо, Патти.

Часть моего сознания – та, что была рациональной, – не желала верить ни единому слову из услышанного. Но другая, интуитивная и склонная к мистике, знала и нисколько не сомневалась, что всё сказанное – правда. Сердце у меня всегда шло впереди рассудка. Но при этом я понимала, что как только до меня по-настоящему дойдет смысл сказанного, мне станет страшно.

– Она сказала тебе еще что-нибудь о... ну, о моей природе?

– Твоя природа – не зло, если ты об этом. – Патти взяла мою руку в свои и забрала к себе на колени. – Способность видеть и чувствовать человеческие эмоции у тебя от матери. Она есть у всех ангелов-хранителей. От отца ты должна была получить склонность к какому-то одному греху, но сестра Рут не знала, к какому именно.

Зато мне это уже было хорошо известно. Привет, наркотики и алкоголь.

– Но не к злу, – уточнила я.

– Нет, милая, не к злу. Злые души отвергают доброту и любовь, которые присущи нам, поскольку мы созданы по образу и подобию Творца. А ты сможешь справляться с искушениями, хотя тебе это будет труднее, чем обыкновенным людям. В основе своей ты нормальная девушка, только всё чувствуешь острее – и добро, и зло.

Какое-то время Патти молча гладила меня по руке, потом спросила:

– Так ты прощаешь меня, Анна? За то, что я тебе до сих пор ничего не говорила? Мне всегда казалось, что если ты узнаешь, нам будет труднее, а теперь я не понимаю, правильно ли поступала.

– Прощаю. И не сержусь. – Я привлекла ее к себе, и мы обнялись. Тут мне вспомнилось все, что делала Патти, чтобы оградить меня, как она поддерживала мое неведение и скрывала меня от людей, как заботилась обо мне, ни о чем не спрашивая. Я прижалась к ней крепче,

вдруг осознав, сколь многим она жертвовала, чтобы меня воспитывать. Патти вдруг отстранилась.

– Вот почему я учила тебя говорить мне «Патти», а не «мама». Пусть это звучит глупо, но я знала, что с небес на тебя смотрит настоящая мама, и не хотела занимать ее место. Во всем остальном, Анна, ты мне дочь, и я не могла бы любить тебя сильнее.

Я стерла навернувшуюся слезу и прошептала:

– Знаю.

– Так вот, – она провела рукой по моим разметавшимся волосам и заговорила деловым тоном: – Послушай. В данный момент у меня совсем нет денег – надо было помочь Нане расплатиться с врачами, – но если я начну копить прямо сейчас, то к концу лета у нас наберется нужная сумма, чтобы съездить в Калифорнию. Как тебе такой план?

– Замечательно. Но я тоже хочу участвовать, а для этого – пойти работать.

– Согласна. Значит, заключаем договор. – Мы обменялись рукопожатием, и я почувствовала прилив энтузиазма. – А теперь, когда я поделилась с тобой всем, что знаю, почему бы и тебе не рассказать мне о своих сверхспособностях? – Мы обе радостно улыбнулись – теперь у нас есть возможность об этом разговаривать.

– Ой, погоди, – лицо Патти посуровело. – Мне надо взять с тебя обещание. – В ее ауре появилась светло-серая дымка нервозности с примесью пастельно-зеленого – цвета надежды.

– Хорошо.

– Обещай мне, что не будешь больше общаться с этим мальчиком, которого ты встретила.

Я открыла было рот, но внезапно засомневалась. Ангел-хранитель Патти, несмотря на размытость черт, похоже, смотрел на меня и ждал ответа.

– Пожалуйста, Анна, – сказала Патти. – Это небезопасно. Есть вещи, от которых я не могу тебя защитить, ты должна проявлять благоразумие, чтобы быть вне опасности.

– Но...

– Нет. – Она не дала мне договорить. – Не знаю точно насчет твоего отца, но можешь быть уверена – остальные демоны злые. *По-настоящему, стопроцентно злые.* И этого мальчика воспитал один из них. Понимаешь? Мне необходимо твое обещание.

Я тяжело сглотнула.

– Обещаю.

Глава восьмая

Что из этого следует

Я не могла не думать о Каидане Роуве.

Он сын демона – только демона, без ангельского противовеса. Что конкретно из этого следует? На вечеринке он меня выручил и был очень добр ко мне на свой лад.

Знание того, кто я, лишь подогревало во мне горячее желание узнать больше. У меня было столько вопросов. До сих пор у меня не возникало проблем с такой добродетелью, как терпение, но тут они появились. Значит, требовалось держать себя постоянно занятой. Первым делом – найти работу.

Я отправилась в кафе-мороженое Паулы, расположенное совсем рядом с нами, и тут же была принята. *У меня всего два правила: улыбаться и никого не угощать мороженым бесплатно.* Да, мэм. И то, и другое было мне под силу.

Я работала и старалась постоянно занимать голову. Ежедневно, а иногда и дважды в день, бегала, прочла массу книжек, провела кучу времени в интернете, разыскивая там информацию об ангелах и демонах. Но я не имела ни малейшего понятия о том, есть ли среди этих сведений правдивые или все они – просто фольклор.

Прошел месяц, и я отложила пару сотен долларов. Мы приближались к заветной цели. И все же, чем бы я ни занималась, мои мысли были о нем. Он был совсем рядом и наверняка мог ответить хотя бы на некоторые вопросы. Но я дала обещание.

Патти, конечно, проявляла свойственную ей осторожность, но ведь если бы Каидан намеревался причинить мне вред, то и причинил бы, так? Она воображала его себе каким-то ужасным, но будь у нее возможность познакомиться с ним, Патти поняла бы, что это просто мальчик, только особенный – как я. Так я сидела и рассуждала сама с собой, постукивая пальцем по телефону, потом подняла трубку и набрала номер.

– Алло? – ответил мужской голос.

– Привет, Джей!

– Приветствую, принцесса помидорчиков, королева кудрявых кедров.

– Отличные аллитерации!

– Спасибо тебе огромное. Я стараюсь. Так что у тебя?

– На самом деле я хотела спросить...

– Дааааа?

Я прикусила губу изнутри, а потом выпалила:

– Не выступают ли в ближайшее время «Греховодники»?

Молчание.

– Джей? Ты здесь?

– Извини, вырубился на секунду.

– Очень смешно.

– Ты хочешь видеть Каидана, – поддразнил он меня.

Я выдохнула в трубку:

– Да! Хочу с ним поговорить. Это звучит странно, но, по-моему, наши отцы могут быть знакомы.

– Правда? Действительно странное предположение. А почему ты так решила?

– Кое-что он упомянул, когда я с ним говорила, кое-что я с тех пор узнала от других людей. Так будет у них концерт?

– В последнее время стали играть на разных площадках по всему штату, а то и в Алабаме. Давай я наведу справки и перезвоню тебе.

– Спасибо.

Я положила трубку и, чтобы как-то провести время, стала расхаживать по квартире, поправляя разные предметы. У меня не было фиксированных обязанностей по дому – и я, и Патти в каждый момент делали то, что нужно. Я взяла метелку для пыли и приступила к работе, едва замечая, к чему я ею прикасаюсь. Когда раздался звонок, я бросила метелку на одну из полок и рванула к телефону.

– Алло?

– Привет! В ближайшие две недели у них нет концертов, но я знаю расписание их репетиций. – Джей умел отслеживать группы, и здесь его талант был очень кстати. – Они репетируют у Каидана дома. Грег говорит, там в подвале есть всё, чтобы играть музыку. И еще – что дом всегда в полном распоряжении Каидана.

– А где его отец? – При мысли о папаше-демоне у меня упало сердце.

– Он работает в Нью-Йорке, летает туда-сюда на собственном частном самолете. С ума сойти, правда? Не знаю, легко ли попасть на репетицию, но могу пойти и взять тебя – проверим вместе.

Это казалось ужасно неудобным, но других вариантов не было.

– Хорошо, – сказала я.

Из парадных дверей непрерывным потоком выходили люди. Джей заехал во двор через частные ворота Роувов, сказав в домофон, что мы – друзья Каидана, и остановил автомобиль на обочине кольцевого проезда, вдоль которого выстроились машины. Судя по их количеству, на репетицию собралось так много зрителей, как если бы это был мини-концерт или вечеринка. В центре кольца, прямо перед громадным домом из серого камня, бил фонтан, а гигантский, под стать зданию, портал и все окна были увиты сотнями плетистых роз. Совсем как сказочный замок, только без прекрасного принца.

– Мне войти с тобой? – спросил Джей.

– Наверное, мне было бы лучше поговорить с ним наедине.

– Круто. Тогда так. Тут рядом есть магазин музыкальных инструментов, я все равно туда собирался. Позвони, когда будешь готова, и я тебя подхвачу.

– Отлично, спасибо.

Я выбралась из машины, прошла навстречу основному потоку к входу и только подняла руку, чтобы постучать, как дверь распахнулась. Передо мной в облегающих черных джинсах стоял солист «Греховодников» Майкл под руку с шикарной девицей.

– Репетиция окончена, – сообщил он, задевая меня плечом.

– Мне просто надо поговорить с Каиданом.

Майкл пожал плечами и двинулся дальше, бросив на ходу:

– Дело ваше. Он внизу, но сейчас, возможно, занят.

Просторный холл изумлял обилием полированного дерева и размерами лестницы. Чувствуя себя незванным гостем, я пошла на звук голосов через столовую, где красовались обеденные приборы из тонкого фарфора, к открытой двери, за которой обнаружила лестницу с покрытыми ковром ступенями, ведущими вниз. По ним навстречу мне поднимались две девушки в мини-юбках, одна из которых яростно топала ногами и ругалась. Вслед им из подвала неслись звуки перкуссии.

– Если вы к Каидану, – сказала та, которая была рассержена, – то зря стараетесь.

Она прошла мимо меня и возобновила прерванный гневный монолог:

– Никогда больше не стану ему звонить!

– Все равно позвонишь сегодня же вечером, – откликнулась вторая девушка.

Я остановилась, раздумывая, не стоит ли развернуться и убежать из этого дома, пока не поздно. Ритм, отбиваемый внизу, отзывался у меня в ушах оглушительными ударами моего собственного сердца. С трудом я заставила себя двигаться дальше – к двери и вниз по ступенькам, не пропуская ни одной. Спустившись по лестнице, я огляделась и замерла. Подвал в доме

Джина этому и в подметки не годился, помещение было больше, чем вся моя квартира. Наконец, решившись, я шагнула внутрь и прикрыла за собой дверь.

В правой части подвала размещалось нечто вроде небольшого кинотеатра – гигантский экран и три ряда кожаных сидений на разной высоте. В центре, передо мной, был бар с высокими столиками и табуретами, выхваченными прямо из гавайского пейзажа. Подальше слева стояли два длинных дивана, за которыми находилась сцена с усилителями, микрофонами и ударной установкой. Она в данный момент использовалась. И, стоит добавить, использовалась очень хорошо.

Каидан был в наушниках. Правильные черты его лица выглядели сурово из-за предельной сосредоточенности, мышцы рук под ярко-красной футболкой ходили ходуном в такт ударам барабанных палочек. Он играл безупречно, и я восхитилась его умением предугадывать каждый следующий звук и опускать палочку идеально точно в нужный момент в нужное место, одновременно отжимая ногой педаль. Я стояла, завороженная красотой зрелища. Мне еще никогда в жизни так не хотелось... чего же? Окружить его собой, завернуть в себя. Сделать своим.

Чудовищное, постыдное желание.

Последний удар, и в воздухе повис одинокий звук тарелок. Каидан снял наушники, положил рядом, поднялся и взглянул на меня.

– Да никак это маленькая сиротка Энни!

Он прошел за стойку бара, вынул из большого холодильника бутылочку воды и залпом выпил половину, потом бросил ее на стойку и достал из кармана джинсов что-то серебристое. Я стояла неподвижно и смотрела во все глаза. Быстрое движение его руки – и в ней раскрылся складной нож. У меня упало сердце. Каидан стал крутить нож между пальцами, одновременно наблюдая, как я наблюдаю за ним. Кто из нас играл с опасными предметами?

Внезапно он несколькими легкими прыжками преодолел разделявшее нас расстояние и встал прямо передо мной, совсем близко, наклонив голову вбок. Казалось, я его чем-то развеселила. Неожиданно его лицо приобрело жестокое выражение, а свободная рука уперлась в стену над моим плечом. Между нашими глазами было несколько дюймов. Под взглядом Каидана я словно окаменела на месте, не в силах пошевелиться, но при этом отлично сознавая, что в другой его руке – нож. Да, приходить сюда было огромной ошибкой.

– Чего тебе надо? – прорычал Каидан.

– Только поговорить. – Я постаралась сдержать дрожь в голосе. – Тебе нет необходимости меня пугать.

Он не улыбнулся и произнес обольстительно низким голосом:

– Нелегко испугать того, кто так дьявольски хорошо подкован.

От такой наглости у меня перехватило дух. А он перевел глаза ниже, на мое тело, не убирая руки, и холодно произнес:

– Ага, кто-то тут сердится и немножко смущен.

Он считывал мое настроение по цветам ауры! А его цвета мне были совсем не видны. Чувствуя себя перед ним голой и незащищенной, я решила для начала объяснить причину своего визита.

– Теперь я знаю, кто мы такие. – Как бы я хотела, чтобы у меня не дрожал голос, когда я произносила эти слова!

– Мои поздравления. – Он постоял надо мной еще секунду, затем отошел и метнул нож в сторону мишени для дротиков. Нож вонзился в самый центр, а Каидан, не сбиваясь с ритма, прошествовал к белому дивану с немыслимого размера подушками и разлегся там, одной из них подперев свои огромные ноги в черных сапогах и раскинув руки во всю ширину диванной спинки. Потом посмотрел на меня так, как будто вызывал на разговор.

К этому моменту я уже не представляла себе, что говорить или делать, не понимала, зачем пришла. Как это мне взбрело в голову, что можно просто войти без стука, сказать: *Ха! Теперь я знаю, кто мы такие!* – и затребовать информацию?

Вдруг Каидан рывком запрокинул голову и уставился в пространство, как будто вслушивался в какие-то отдаленные звуки, потом вскочил с дивана и бросился ко мне. Я хотела отпрянуть, но он схватил меня за плечи и прошептал мне одними губами в самое ухо:

– Отец здесь!

Меня сковал страх.

Демон. Настоящий демон, в этом доме, прямо сейчас. Я не учла такой возможности. Думала, он будет в Нью-Йорке. Бежать? Но Каидан потянул меня к дивану и толкнул на подушки, потом рывком расстегнул блузку у меня на груди. Я набрала в легкие побольше воздуха, приготовившись закричать.

Каидан с силой прижал палец к моим губам – тихо! – вынул из подлокотника дивана одеяло и набросил на меня. Потом снял через голову свою футболку и жестами предложил мне сделать то же. Я не понимала, что происходит, но от страха подчинилась и, прикрыв грудь одеялом, освободилась от блузки.

Каидан наклонился ко мне. О Господи! Полуголый полудемон зарылся лицом в мою шею! Его горячее гладкое плечо прижалось к моему! Сквозь смущение и страх пробилась дрожь удовольствия. Ощувив у себя на плече его горячий рот, я впилась руками в диван, чтобы только не отпустить их туда, куда им хотелось, – куда-нибудь на Каидана.

Когда дверь подвала распахнулась, я невольно взвизгнула, а Каидан чуть отстранился, но остался передо мной, слегка повернув голову к двери.

– Отец. – Каидан произнес это почтительно и вполголоса.

Я выглянула из-под его руки – в дверном проеме стоял высокий мужчина в черном костюме со светло-голубым галстуком под цвет глаз. Волосы слегка выющиеся, темнее, чем у Каидана, остриженные короче и зачесанные назад. Ярко-красная звездочка в три раза больше, чем у сына. При виде нашей парочки красавец-демон чуть улыбнулся и, как мне показалось, сделал шаг в сторону, чтобы лучше меня рассмотреть. Я подтянула вверх соскользнувшее одеяло, прикрывая белье.

– Мои извинения, сынок. Я не знал, что ты не один.

С этими словами демонический папаша двинулся к нам и, клянусь, в какое-то мгновение его глаза полыхнули красным. Потом заговорил таким ледяным голосом, что вся комната наполнилась холодом:

– Никогда бы не подумал, что тебе захочется поразвлечь испоиночку.

Каидан уже встал и отошел от меня.

– Обычно я этим не занимаюсь. Она застала меня одного, когда я скучал после репетиции.

Папаша принялся, достал платок и прижал его к носу, как будто почувствовал неприятный запах.

– Поднимайся наверх пить чай. И ее прихвати.

На этих словах он повернулся и вышел. Каидан закрыл глаза и стоял, стиснув кулаки. Мое сердце стучало, как молот. Я стала надевать блузку, от спешки путаясь в рукавах, и к своему ужасу обнаружила, что две пуговицы в середине оторвались. Трясущимися пальцами я зажала это место. Каидан поднял с пола свою красную футболку и кинул ею в меня. Я повернулась к нему спиной и переоделась. Футболка оказалась мне велика, но лучше уж так, чем в расстегнутой блузке. И я изо всех сил старалась не обращать внимания на то, как от нее пахло. Не аромат, а мечта – лесной, цитрусовый и мужской.

Поднимаясь за Каиданом по лестнице, я уговаривала себя не бояться. Ну что тут такого – выпить чаю с демоном и его сыном, мастером метать ножи?

Отец Каидана ждал нас в обставленной по всем правилам гостиной, сидя в кресле. Он жестом пригласил меня сесть на двухместный диванчик ближе к нему. Каидан встал у стены, скрестив руки на голой груди. Отец посмотрел на него, приглушенно хохотнул и сказал, обращаясь ко мне:

– Нет, вы только посмотрите на этого пещерного человека! Сын, найди чем прикрыться и присоединяйся.

Каидан удалился, и одновременно с этим в комнату вошла женщина с подносом. Она разлила дымящийся чай по трем чашкам из тонкого фарфора и вопросительно посмотрела на мистера Роува. Тот одарил служанку двусмысленной улыбкой, отчего ее аура покраснела, и кивком ее отослал, напоследок легонько похлопав пониже спины. Затем его внимание вернулось ко мне. Ох!

– Как ваше имя?

У меня так пересохло в горле, что сразу ответить не получилось, поэтому я сглотнула и сделала вторую попытку.

– Анна.

– Анна, мое имя Фарзуф, но среди людей я известен как Ричард Роув. У вас очень необычный значок – пожалуй, я никогда еще такого не видел.

Он с несколько раздражающим интересом уставился на мою грудь, и я с трудом удержалась от того, чтобы скрестить на ней руки. Вошел Каидан в черной рубашке и сел на диванчик в некотором отдалении от меня.

– Цвет Белиала, я не ошибся? – спросил Фарзуф. Мне не понравилось, как он это сказал, – как будто отрабатывая на мне свои тягучие лениво-чувственные интонации.

– Я... Прошу прощения?

– Белиал – это имя темного ангела, твоего отца, – стал объяснять мне Каидан.

Фарзуф усмехнулся:

– Да неужели она сама не знает?

Но потом посмотрел на меня, и взгляд у него стал таким же озадаченным, как у Каидана в тот вечер, когда мы с ним встретились впервые.

Я прокашлялась, еще раз сглотнула и постаралась ровнее дышать в надежде успокоить таким образом свою ауру. Мне очень хотелось сделать глоток чая, чтобы промочить горло, но я опасалась пролить его.

– Я только что узнала, что я исполинка. Каидан мне кое-что объяснил.

Неожиданно для меня самой мой голос звучал довольно спокойно. Соблюдая осторожность, я упомянула только Каидана – мне вовсе не хотелось разговаривать здесь о сестре Рут или Патти.

– А как вы познакомились?

– Случайно, – ответил за меня Каидан. – Она была на одном из наших выступлений.

– Так значит, Белиал не рассказывал вам, кто такие испы?

– Нет. Мы ни разу не встречались, – извернулась я, все еще не веря, что сижу рядом с демоном, а у него такой нормальный вид.

– Надо полагать, он вообще не знает о вашем существовании? Иначе бы не пренебрегал вашим воспитанием. – Фарзуф казался спокойным, даже веселым, но тон был холодным и расчетливым.

Вместо ответа я предпочла слегка пожать плечами. Чувствовалось, что здесь лучше всего притворяться немой.

– Могу вас заверить, что немедленно дам ему знать. Но пока это не произошло, нельзя оставлять вас без присмотра. Каидан объяснит вам, что к чему. И прежде всего – от вас разит невинностью. Она бьет мне в нос – ваша *девственность*. – Последнее слово он произнес как

грязное ругательство, и мое лицо запылало. – Как переспелый фрукт. Не говоря уже об эмоциях, которые висят вокруг вашего тела всем напоказ. Сколько вам лет?

– Шестнадцать.

Услышав это, он наклонился вперед, хлопнул себя по колену и изумленно расхохотался.

– Шестнадцатилетняя испа – и девственница! Как же вы будете дурно влиять на людей, если сами не ведете себя плохо? Но вещества-то хоть употребляете вместе со сверстниками?

– Да. – Это, конечно, было преувеличением, но простительным, учитывая, что я разговаривала с демоном.

Я попробовала обдумать сказанное. Дурно влиять на людей? О, Господи! А как он меня назвал – испа? А, это сокращение от «исполинки».

– Значит, недостаточно, иначе бы уже расстались со своей добродетелью. Каидан, сходи-ка за моей сумочкой!

За его *сумочкой*? Как в романе о преступном мире! Фарзуф взял свою чашку и стал не спеша пить, а Каидан вышел и вскоре вернулся с небольшой черной сумкой. Тогда Фарзуф отодвинул поднос и, открыв сумку, начал выкладывать оттуда флаконы с разными порошками и жидкостями, мешочки с засушенными растениями, серебряные трубки, шприцы и другие принадлежности для употребления наркотиков. По всему моему телу побежали мурашки от отвращения и желания одновременно. *Пожалуйста, пожалуйста, не надо предлагать мне ничего из этого!*

– Что привлекает вас больше всего? – спросил Фарзуф.

Спокойно. Выбрать было трудно. После некоторых колебаний я показала на флакон с белым порошком.

– Кокаин. Замечательно.

Фарзуф откинулся в кресле с чашкой в руках и продолжал пить чай, не сводя с меня глаз. Неожиданно у него в кармане зазвонил телефон, и тут я позволила себе вдохнуть и выдохнуть. Он глянул на экран, нажал какую-то кнопку; телефон затих.

– Анна, мне пора возвращаться к работе. Вы ведь не станете возражать, если я оставлю вас в обществе своего сына?

Я покачала головой.

– Конечно, не станете. Каидан прекрасно о вас позаботится. Он отличный наставник и в два счета научит вас работать в полную силу. Но не увлекайтесь процессом – усвойте самое необходимое и сразу же беритесь за дело. Сегодня вечером, – тут он обратился к Каидану, – ты мне понадобишься. У нас гости – придет Марисса с одной из своих племянниц.

– Да, отец. – Каидан быстро отвел от меня глаза.

Фарзуф поднялся и вышел, на ходу набирая номер. Каидан тут же запаковал «сумочку», закрыл ее и спросил:

– Ты когда-нибудь была на Смотровой площадке?

При этом он усиленно кивал, прося меня подыграть. Я старалась отвечать как можно более естественным голосом, хотя чувствовала себя как после серии микроинфарктов:

– Нет, ни разу.

– Значит, туда и съездим.

Мы вышли вдвоем и уселись в его сверкающий черный «Хаммер» – невероятно помпезный, салон которого был размером с мою спальню. И зачем мальчику такая машина на одного? Каидан занял водительское место и, как только мы тронулись, показал мне на одометр, после чего поднял вверх пять пальцев. Пять миль? Потом приложил палец к губам. Папаша слышит все, что происходит в радиусе пяти миль? Я повернулась и посмотрела на заднее сиденье – там лежала черная сумка, которую Каидан забросил внутрь, когда мы садились. Он перехватил мой взгляд.

– Уверен, тебе очень понравится вид со Смотровой.

– Замечательно.

Я снова села прямо и стала смотреть на расстилающуюся перед нами дорогу. Смотровая слыла местом, где теряют девственность, и когда поворот в ту сторону мы проехали мимо, я мысленно поблагодарила Каидана и задышала немного спокойнее.

– Теперь безопасно, – сказал Каидан. – Тебя привез твой друг Джей?

– Да. А как ты определил?

– Я, разумеется, слушал, когда ты появилась. Мне же надо было всех выгнать.

Его голос звучал грустно, и я вспомнила, какой расстроенной выглядела уходящая от него девушка.

– Ох! Прости меня. Могу я одолжить твой телефон, чтобы позвонить ему?

Каидан протянул мне безумно навороченный аппарат, который я повертела в разных направлениях, но так и не сумела включить, потом забрал его, и когда экран засветился, вернул мне. Я набрала номер Джея.

– Алло?

– Привет, Джей! Я только предупредить, что... в общем, меня отвезет Каидан.

– О-хо-хо! – Я не могла заставить себя смеяться вместе с Джеем, но краем глаза заметила, что Каидан улыбается. – Хорошо звучит, цыпа. Созвонимся позже.

Как отключиться, я тоже не знала, поэтому просто вернула телефон Каидану.

– Где ты живешь? – спросил он. – Здесь, в Атланте?

– Нет. В Картерсвилле. Тридцать с лишним миль отсюда. Это ничего?

– Ничего. Он ожидает, что мы на какое-то время исчезнем.

Меня все еще подташнивало после общения с Фарзуфом, не говоря уже о том, что я была в полном недоумении от поведения самого Каидана. Когда я пришла, он отнесся ко мне холодно и враждебно. А потом появился его отец, и он... что? Постарался меня защитить? Я не понимала, почему. А теперь он вез меня домой, а вовсе не в укромное местечко знакомиться с жуткой черной сумкой и всем прочим.

– Кто такая Марисса? – спросила я и тут же удивилась собственной настырности.

– Никто, – отрезал Каидан. Он крепко сжал челюсти, и его лицо сделалось жестким. Почему он так разозлился? Я пробормотала:

– Ты самая загадочная личность из всех, кого я встречала в жизни.

– Это я-то? Знаешь, испы не ходят без приглашения друг к другу на концерты и в гости, если нарочно не нарываю на неприятности.

Я представляю для него угрозу? Что за дикая мысль! Может быть, это ирония? Я на всякий случай засмеялась и сказала:

– Мне ведь не говорили, что я испа, я только после той вечеринки узнала.

– Теперь-то я понял.

– И вот еще что – ты тогда был прав. Я как ты, но и... не как ты тоже. – Я осеклась и замолчала.

– Я слушаю, – напомнил Каидан.

А я и так разболтала слишком много. Откуда вообще взялась эта безумная идея откровенничать с Каиданом? Что-то в нем заставляло меня отбросить всякую осторожность, но он не принадлежал себе. Им целиком и полностью распоряжался отец, а значит, я не должна была так рисковать.

– Не обращай внимания.

– Уже обратил. Говори смело, *он* не слышит.

– А ты не передашь ему всё, когда вернешься домой?

– Я ничего ему не рассказываю, если удастся. Может быть, ты не заметила, но там, в подвале, я пытался тебя защитить. Надеялся отвлечь его, чтобы он решил, что я работаю, и ушел, не поняв, кто ты такая.

– Очень даже заметила. – Мой голос смягчился. – А зачем ты это делал?

– На самом деле не знаю. – Он быстро взглянул на меня, но тут же перевел глаза обратно на дорогу. – Наверное, хотел сначала разобраться сам. Не ожидал, что он приедет так рано. Обычно на неделе его нет дома, но видимо, ему позвонила Марисса. Ты застала меня врасплох, и я на какое-то время перестал слушать, – вообще это на меня не похоже.

Хотя вокруг него не было цветной ауры, я вполне ему верила. Но мне не нравилось, что в этом невозможно убедиться, и я все-таки спросила:

– Почему мне не видны твои эмоции?

Каидан издал короткий смешок, как будто ответ был очевиден:

– Потому что я не хочу, чтобы ты их видела.

Он умеет скрывать свои цвета?

– А меня ты мог бы научить их прятать?

– Думаю, да. Хотя на это потребуется какое-то время.

Провести больше времени с Каиданом – что ж, неплохо. Но тут мне пришло в голову, что именно этого хотел его отец.

– А что будет, если я не стану – ну, делать те вещи, про которые говорил твой отец? Потому что я не собираюсь его слушаться.

– Что, правда? – Каидан, казалось, развеселился. – А почему?

– Потому что наркотики – ты видел, что они со мной делают. А я не знаю меры. Просто не могу остановиться. Так что не хочу их даже пробовать, тем более не собираюсь подсовывать окружающим. А что касается... ну, ты знаешь...

– Что знаю?

В груди у меня сделалось горячо, и жар растекся по всему телу; лицо запылало.

– Ты стесняешься выговорить слово? Давай я скажу за тебя – секс. Секс-секс-секс.

– Пожалуйста, просто ответь на вопрос. Что будет, если я не послушаюсь?

– Нас обоих могут наказать. Если ты отказываешься от моего «наставничества», тебе надо залечь на дно – не появляться больше в моем доме и не делать ничего, что могло бы привлечь внимание отца. В нашем мире демоны мало интересуются делами испов, и скорее всего, через несколько дней отец забудет о тебе и перестанет тебя замечать. Но если он обнаружит, что ты все еще девственница, то пеняй на себя. Я скажу ему, что пытался, а ты отказалась. И знай: если он тогда станет тебя преследовать, а ты по-прежнему будешь демонстрировать неповиновение...

Я кивнула, отчаянно прося его продолжать:

– То что?

– Ну, как ты думаешь, что? То тебе не жить.

У меня упало сердце. Патти знала, что есть такая опасность, когда брала с меня обещание держаться подальше от Каидана. Разве можно было поступать так безрассудно? Я сама отправилась прямиком в логово демона! А что если Фарзуф узнает, где я живу, наведается туда и обнаружит, что я все еще трезвенница и девственница?

– И все-таки я не понимаю, почему то, что я девственница, – такая проблема, и почему именно ты должен...

– Ты предпочла бы кого-то другого? – Он говорил серьезно, но в его интонации чувствовались нотки веселья, и это меня раздражало.

– Нет. То есть, вопрос не в этом. Если мы что-то делаем вдвоем, как это связано с дурным влиянием на людей?

– Это часть подготовки, которая сделает тебя всесторонне сведущей в грешных делах, чтобы ты смогла совратить больше людей. По-моему, тебе нет смысла оставаться девственницей, – риск слишком велик. Я понимаю, что ты боишься стать наркоманкой, но какие у тебя причины отказываться от секса?

Господи, ну и поворот в беседе! Я чуть отодвинулась от Каидана, закинула ногу на ногу, потом снова села ровно и, наконец, созналась:

– Хочу подождать, пока не выйду замуж.

Он расхохотался. Громко. Я смерила его строгим взглядом.

– Извини. Просто сама мысль, что испы могут хранить чистоту, вступать в брак и вести нормальную человеческую жизнь, – она... – Каидан посмотрел на меня и оборвал смех. – Это невозможно.

Такое не могло, не должно было происходить. За какой-то час моя жизнь перевернулась, на все мое будущее легла тень, и оно пошло вкривь и вкось.

– Даже люди сейчас по большей части не ждут до свадьбы. – Каидан глянул на меня сквозь непослушную каштановую прядь, упавшую ему на глаза. – Пока беспокоиться не о чем. Может быть, все-таки расскажешь мне свою великую тайну?

Я нервно прикусила щеку. С Каиданом не вполне безопасно, и я это знаю. Почему же тогда не боюсь? Его отец – ужасающее и отвратительное создание, но сын – совершенно другое дело. Мне хочется ему довериться. И хочется, чтобы он доверился мне.

– Моя мать была ангелом, – выпалила я. – Ангелом-хранителем.

И взмолилась, чтобы мне не пришлось сожалеть об этих словах всю оставшуюся жизнь.

Каидан перевел взгляд с дороги на мое лицо.

– Но ангелам света не позволено завладевать человеческими телами.

– Думаю, она нарушила запрет.

Он провел рукой по волосам, которые тут же опять свесились на лоб.

– Неслыханно. Об этом совершенно точно больше никому нельзя рассказывать. Поразительно, – Каидан вдруг захихикал.

– Что здесь смешного? – спросила я.

– Ты сама. Ходячее противоречие, рожки и нимб. Не могу поверить!

На это я с каменным лицом произнесла «ха-ха». Знакомство с папашей Каидана отбило у меня чувство юмора.

– А вообще таких, как мы, много? – задала я следующий вопрос. – Исполинов?

– Не очень. Сотня с чем-то. В свое время были тысячи, но об этом как-нибудь в другой раз.

Я замолчала, погружившись в мысли о детях, которые, как и я, обнаруживали в себе необычные способности.

На въезде в Картерсвилл Каидан замедлил ход, я стала подсказывать, куда ехать, и разговор прервался. Вскоре мы проехали весь мой квартал и припарковались возле нужного подъезда. Но я не могла выйти из машины, не задав еще одного вопроса:

– Что значит быть исполином? Насколько мы похожи на наших отцов?

Каидан опустил на несколько дюймов свое сиденье и сцепил руки на затылке.

– Мы чувствуем тягу в направлении их греховной природы. Нас считают их собственностью, их подручными. Исполины трудятся ради торжества дела демонов, вовлекая в грех окружающих.

Он говорил сухо, как будто у него не было собственного мнения об этой жестокой действительности и он не испытывал по ее поводу никаких чувств.

– Ужасно.

Каидан продолжал, будто не слыша:

– У каждого демона своя специализация. Мой отец – повелитель похоти. Твой, Белиал – повелитель злоупотребления наркотическими веществами.

Эти слова больно меня ужалили. Даже при том, что я чувствовала природу своего греха, слышать о ней было больно. А он – сын Похоти? Значит, еще на несколько делений выше по шкале опасности.

– Не могу поверить. Это так неправильно.

Каидан снова пропустил мои слова мимо ушей, а его глаза снова устремились в никуда, как прежде, дома. Потом он спросил:

– Которая квартира твоя?

Я показала наши окна.

– Ты что, не слышишь? Или вообще никогда не слушаешь? Там женщина плачет.

– Патти! – вскрикнула я, отстегнула ремень, выскочила из машины и, не попрощавшись, помчалась к подъезду.

Глава девятая

Ехать или не ехать

Я взлетела по бетонной лестнице в наше тесное жилье, в спешке позабыв закрыть за собой дверь. Демоны добрались до Патти? Она сидела на кушетке и повернулась ко мне, услышав, как я вошла. Глаза у нее были красные. Я подбежала к ней, присела на корточки возле ее ног и накрыла ее руку своей ладонью.

– Что случилось?

– У машины сегодня вышли из строя тормоза. Прости меня, милая! Все те деньги, которые я откладывала на нашу поездку, придется отдать за ремонт.

Патти всхлипнула и отерла глаза рукавом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.